

демии о выдачѣ премій Митрополита Московскаго Макарія за лучшіе печатные труды наставниковъ и лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи: ординарному профессору *С. С. Глаголеву* (242 р. 50 к.), экстраординарному профессору *А. И. Орлову* (242 р. 50 к.) и справщику Московской Синодальной Типографіи *Н. И. Серебрянскому* (291 р.).

Опредѣлили: Резолюцію Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и сообщить Правленію Академіи—для завісящихъ распоряженій.

III. Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи:

„Согласно § 91 устава духовныхъ академіи 1884 года: „Совѣтъ назначаетъ ежегодно день для торжественнаго собранія академіи, въ которомъ, сверхъ чтенія отчета, раздаются студентамъ награды и предоставляется преподавателямъ произносить рѣчи“. Въ виду сего считаю долгомъ предложить Совѣту озаботиться избраніемъ изъ числа наставниковъ Академіи лица, на которое возложено будетъ составленіе рѣчи къ 1-му октября сего 1910 года—дню воспоминанія объ основаніи Московской Духовной Академіи и храмоваго академическаго праздника, обычно соединяемому съ торжественнымъ годичнымъ актомъ Академіи“.

Опредѣлили: Составленіе рѣчи ко дню торжественнаго собранія Академіи 1-го октября 1910 года поручить г. экстраординарному профессору Академіи по кафедрѣ греческаго языка и его словесности *С. П. Соболевскому*.

IV. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что и. д. доцента Академіи по кафедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи *священникомъ Е. А. Воронцовымъ* представлены ему, согласно § 32 Положенія объ испытаніяхъ на ученые степени и опредѣленію Совѣта Академіи отъ 21 апрѣля 1909 года, 65 экземпляровъ его магистерской диссертации подъ заглавіемъ „Домасоретская и масоретская Библия, какъ манускриптъ, въ связи съ исторіею древне-еврейскаго письменнаго дѣла. Выпускъ первый. Общія положенія“. Сергіевъ Посадъ, 1910 г., разрѣшенной къ печат-

танію опредѣленіемъ Совѣта Академіи отъ 21 апрѣля 1909 года.

Опредѣлили: 1) И. д. доцента Академіи по кафедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи священника Е. А. Воронцова допустить къ защитѣ его диссертациі на степень магистра богословія.—2) Оффиціальными оппонентами при защитѣ диссертациі назначить заслуженнаго ординарнаго профессора по кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта *М. Д. Муретова* и экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ греческаго языка и его словесности *С. И. Соболевскаго*.—3) Предоставить Преосвященному Ректору войти въ соглашеніе съ магистрантомъ относительно дня коллоквиума и пригласить къ участію въ немъ постороннихъ лицъ.

V. Прошеніе и. д. доцента Академіи по кафедрѣ латинскаго языка и его словесности *С. П. Знаменскаго*.

„Въ сентябрѣ мѣсяцѣ текущаго года оканчивается для меня срокъ, предоставленный исправляющимъ должность доцента для полученія степени магистра богословія.

Въ настоящее время я принужденъ заявить, что не могу къ означенному сроку обработать свое сочиненіе на степень магистра богословія. Причины слѣдующія:

Во 1-хъ, мнѣ пришлось для магистерской диссертациі разработывать тему, не стоявшую ни въ какой рѣшительно связи съ моимъ кандидатскимъ сочиненіемъ, которымъ бы можно было воспользоваться въ качествѣ подготовительнаго труда по разработкѣ темы, и, такимъ образомъ, сократить значительно время работы.

Во 2-хъ, у меня слишкомъ много времени ушло на одно только собраніе необходимѣйшихъ источниковъ и пособій для моей работы, такъ какъ въ академической фундаментальной библіотекѣ ихъ, въ большинствѣ случаевъ, не оказывалось и приходилось уже выписывать или разыскивать ихъ въ другихъ книгохранилищахъ, внѣ Академіи и Сергіева Посада.

Въ 3-хъ, не могу не упомянуть, что не мало времени отняли у меня и занятія по изученію предмета моей кафедры и по выработкѣ курса лекцій, каковая работа, на первыхъ

порахъ преподавательской дѣятельности, является довольно сложной и трудной.

Въ виду всего вышеизложеннаго я покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи ходатайствовать о продленіи мнѣ срока для полученія степени магистра богословія на одинъ годъ“.

Опредѣлили: Признавая просьбу исправляющаго должность доцента Академіи Сергѣя Знаменскаго заслуживающе уваженія, просить ходатайства Его Преосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о продленіи ему срока для полученія степени магистра богословія на одинъ годъ, т. е. до 29 сентября 1911 года.

VI а) Отношеніе Херсонскаго Окружнаго Суда, отъ 11 марта за № 5277, съ увѣдомленіемъ о полученіи уголовного дѣла (арх. № 13383, въ 2 томахъ) о мѣщанинѣ Калиниченко и крестьянинѣ Негруцкомъ, возвращеннаго при отношеніи Совѣта Академіи отъ 3 марта за № 75.

б) Отношеніе Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи, отъ 20 марта за № 451, съ возвращеніемъ принадлежащаго библиотекѣ Московской Духовной Академіи рукописнаго сочиненія Н. Муравьева: „Сношенія Россіи съ православнымъ Востокомъ“, т. 3 и 4

в) Отношеніе Правленія Муромскаго духовнаго училища, отъ 10 апрѣля за № 144, съ возвращеніемъ рукописи академической библиотекѣ подъ № 19 (дополнит.)—списка Муромскаго житійника XVIII в.

Справка: Означенныя въ п.п. б и в рукописи получены и сданы въ фундаментальную академическую библиотечку.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VII. Отношеніе Правленія Костромской Духовной Семинаріи отъ 2 апрѣля за № 438:

„Состоящій въ должности помощника инспектора Костромской Духовной Семинаріи, дѣйствительный студентъ Московской Духовной Академіи Сергѣй Шуруповъ обратился въ Правленіе Семинаріи съ просьбою о выпискѣ потребныхъ ему для научныхъ занятій на шесть мѣсяцевъ двухъ спис-

ковъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Вопросы Сильвестра и отвѣты Антонія о разныхъ богословскихъ предметахъ“ по каталогу библиотеки академической за № 155 и 156. Въ виду таковой просьбы С. Шурупова Правленіе Семинаріи, согласно журнальному, Его Преосвященствомъ утвержденному, постановленію своему отъ 23 минувшаго марта, честь имѣеть обратиться въ Совѣтъ Академіи съ покорнѣйшею просьбою о высылкѣ въ оное означенныхъ двухъ списковъ срокомъ на шесть мѣсяцевъ,—по истеченіи коихъ списки имѣютъ быть возвращены Совѣту“.

Опредѣлили: Выслать въ Правленіе Костромской Духовной Семинаріи означенныя въ отношеніи онаго рукописи на испрашиваемый срокъ.

УІІІ. Прошенія:

а) Экстраординарнаго профессора С. И. Смирнова:

„Прошу Совѣтъ Академіи выписать изъ библиотеки Троицкой Лавры на трехмѣсячный срокъ слѣдующія рукописи, необходимыя для моихъ занятій:

- 1) Діоптра XV в. № 192 (1815).
- 2) Служебникъ и Требникъ 1474 г. № 224 (1072).
- 4) Сборникъ нач. XVI в. № 769 (1552).
- 4) Сборникъ XVI в. № 793 (1639)“.

б) И. д. доцента Н. Л. Туницкаго:

„Имѣю честь просить Совѣтъ Академіи обратиться къ привать-доценту Императорскаго Петербургскаго Университета, Почетному Члену Петербургской Духовной Академіи, Леанасію Ивановичу Пападопуло-Керамевсу съ просьбой о высылкѣ на двухнедѣльный срокъ, для моихъ занятій, изъ его собственной библиотеки книги подъ заглавіемъ: *Πῶς ὁλοῦθαι τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος Ἀρχιεπισκόπου Ἀχρίδων (Νεωστὶ καὶ τῷ τόμῳ ἐξεδεδωμένῃ, συλλεχθεῖσα ἐκ τῶν συγγραμμάτων τοῦ τε Δημητρίου Χωματινοῦ... Ἐκ Μοσχολόλει 1742.* (Свѣдѣнія о ней въ Byzantia. Zeitschr., Bd. VIII, 1899, p. 75).

Опредѣлили: Просить Духовный соборъ Лавры и г. привать-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго Университета А. И. Пападопуло-Керамевса о высылкѣ въ Академію

означенныхъ въ прошеніяхъ э.-орд. профессора С. И. Смирнова и и. д. доцента Н. Л. Туницкаго рукописей и книгъ на испрашиваемые сроки.

IX. а) Отношеніе О. Намѣстника Кіево-Злато-Верхо-Михайловскаго монастыря архимандрита Митрофана, отъ 24 марта за № 192:

„Вслѣдствіе отношенія оной духовной Академіи, отъ 21-го Января 1909 года за № 39, Правленіе монастыря, съ разрѣшенія Преосвященнѣйшаго настоятеля монастыря, въ дополненіе отношенія своего, отъ 7-го февраля того же года за № 86, честь имѣеть почтительнѣйшее просить оный Совѣтъ Академіи соблаговолить ускорить высылкой въ сіе Правленіе, высланные оному Совѣту изъ монастырской бібліотеки, на трехмѣсячный срокъ, слѣдующіе старинные рукописные сборники: а) подъ № 490 (1649) I, II томы и б) подъ № 492 (1651): „Измарагдъ съ другими статьями“.

б) Прошеніе и. д. доцента Академіи *Н. Л. Туницкаго*:

„Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи обратиться къ Управленію Кіевского Михайловскаго Златоверхаго монастыря съ просьбой о продленіи срока высылки изъ бібліотеки этого монастыря въ Академію рукописей за № 490 (1649), въ двухъ томахъ, и за № 492 (1651) еще на два мѣсяца. Означенныя рукописи необходимы мнѣ для корректированія издаваемыхъ по нимъ поученій. Почтительнѣйше прошу Совѣтъ Академіи при этомъ сообщить управленію монастыря, что онѣ хранятся въ полной исправности и неповрежденности въ академической бібліотекѣ“.

Опредѣлили: Просить Преосвященнаго Настоятеля Кіево-Злато-Верхо-Михайловскаго монастыря о продленіи исправляющему должность доцента Академіи Н. Л. Туницкому срока пользованія рукописями монастырской бібліотеки подъ №№ 490 и 492—еще на два мѣсяца.

XI. Отношеніе Грузинскаго Общества Исторіи и Этнографіи, отъ 30 марта за № 141:

„Совѣтъ Грузинскаго Общества Исторіи и Этнографіи имѣеть честь препроводить въ Московскую Духовную Академію свои первыя изданія: „Древности Грузинскія“ т. II

и I томъ сборника Груз. Общ. Ист. и Этн. подъ названіемъ „Древняя Грузія“ и общаетъ и впредь присылать по одному экземпляру всѣхъ своихъ изданій. При этомъ Совѣтъ просить не отказать высылать въ бібліотеку Общества по одному экземпляру изданій Духовной Академіи.

Адресъ Совѣта Общества: Тифлисъ. Тифлисское Дворянское Депутатское Собраніе“.

Опредѣлили: Поручить редакціи академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ“ высылать съ текущаго 1910 года въ Совѣтъ Грузинскаго Общества Исторіи и Этнографіи одинъ экземпляръ журнала.

XI. Прошенія на имя Преосвященнаго Ректора Академіи вольныхъ слушателей академическихъ лекцій:

а) Священника Андрея Аменицкаго:

„Вынужденный по состоянію своего здоровья оставить Академію, покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство уволить меня изъ числа вольнослушателей вѣрнной Вамъ Академіи и разрѣшить мои документы выдать мнѣ на руки для представленія въ Черниговскую Духовную Консисторію“.

б) Николая Кузьмина:

„Покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство исключить меня изъ числа вольнослушателей вѣрнной Вамъ Московской Духовной Академіи. Еще покорнѣйше прошу не найдете ли возможнымъ Ваше Преосвященство выслать мнѣ вмѣстѣ съ моими документами удостовѣреніе о томъ, что я дѣйствительно слушалъ лекціи въ теченіе трехъ лѣтъ въ стѣнахъ Моск. дух. академіи. Это просимое мною у Вашего Преосвященства удостовѣреніе я долженъ до 2-го мая сего 1910 года доставить съ другими документами Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнѣйшему Назарію, Архіепископу Нижегородскому и Арзамасскому“.

Справка: По распоряженію Преосвященнаго Ректора, хранившіяся при дѣлахъ Совѣта документы священника Аменицкаго и Н. Кузьмина были выданы имъ на руки при выbytіи изъ Академіи.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

ХІІ. Прошеніе вольнослушателя Академіи *Алексѣя Величкина*:

„По выдержаніи пріемныхъ испытаній въ Академію въ прошедшемъ 1909 году, я, по недостатку мѣстъ, не былъ принятъ въ число студентовъ. Въ виду того, что въ настоящее время, съ начала года, отсутствуютъ два студента и въ будущемъ 1910—1911 учебномъ г. на второмъ курсѣ будутъ два свободныхъ мѣста, то я и осмѣливаюсь покорнѣйше просить Васъ, Ваше Преосвященство, допустить меня до держанія переходныхъ испытаній и зачислить мнѣ этотъ годъ.—При семъ считаю необходимымъ довести до свѣдѣнія Вашего Преосвященства, что лекціи я посѣщаль съ начала года и написалъ всѣ, требуемыя отъ студентовъ 1-го курса, письменныя работы“.

Справка: Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 8-го апрѣля 1902 года за № 2747 вновь подтверждено было, что „допускаемая, на основаніи § 115 устава духовныхъ академіи, по усмотрѣнію Епархіальнаго Преосвященнаго, къ слушанію академическихъ лекцій постороннія лица правомъ подвергаться переходнымъ испытаніямъ и подавать сочиненія на соисканіе ученой степени или званія не пользуются“.

Опредѣлили: Въ виду изложеннаго въ справкѣ,—просьбу вольнослушателя Алексѣя Величкина отклонить.

На семъ журналѣ резолюція Его Преосвященства: „1910 г. мая 20. Утверждается. Журналъ сей полученъ мною 17-го мая. Епископъ Трифонъ“.

10 мая 1910 года.

№ 5.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Феодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостынь, заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ и А. А. Спасскій; экстраординарные профессора—С. П. Себолевскій, И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, М. М. Богословскій и Д. П. Введенскій.

Отсутствовали: заслуженные ординарные профессора А. Д. Бѣляевъ и Н. А. Заозерскій—*по болѣзни*; ординарный профессоръ М. М. Тарѣевъ и экстраординарный профессоръ Н. Г. Городенскій—*по нахожденію въ отпускѣ*; экстраординарные профессора П. П. Соколовъ и И. М. Громогласовъ—*по домашнимъ обстоятельствамъ* и экстраординарный профессоръ А. П. Орловъ—*по нахожденію въ заграничной командировкѣ*.

Слушали: I. Сданный Его Преосвященствомъ съ надписью: „1910 г. мая 7. Въ правленіе Московской дух. академіи“— указъ на имя Его Преосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 5 мая за № 6177:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Преосвященнаго Митрополита Московскаго, отъ 15 февраля сего года за № 60, по ходатайству Совѣта Московской духовной академіи о разрѣшеніи студенту сей академіи Александру *Ельчанинову*, поступившему въ академію по окончаніи курса въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, пройти курсъ богословскихъ наукъ въ академіи въ трехгодичный срокъ, съ зачисленіемъ его нынѣ же въ списки студентовъ II курса и освобожденіемъ отъ изученія древнихъ и новыхъ языковъ, а также историческихъ и философскихъ наукъ, отмѣтки по которымъ имѣются въ его университетскомъ дипломѣ. И, по справкѣ, приказали: Не усматривая въ настоящее время основаній къ допущенію изъятій изъ общаго порядка прохожденія студентами духовныхъ академій положенныхъ въ академіяхъ наукъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: вышеизложенное ходатайство отклонить; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода объявить студенту I курса Академіи Александру Ельчанинову.

II. Прошеніе и. д. доцента Академіи по кафедрѣ исторіи философіи П. А. *Флоренскаго*:

„Въ настоящемъ учебномъ году истекаетъ двухлѣтній срокъ, полагающійся на разработку и напечатаніе магистер-

ской диссертации. Но, въ виду особыхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась моя работа со времени окончанія мною курса обученія въ Академіи, рѣшаюсь покорнѣйше просить Совѣтъ ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ о продленіи мнѣ срока подачи магистерскаго сочиненія на одинъ годъ. Особыя обстоятельства заключались въ томъ, что, во-первыхъ, у меня не было въ распоряженіи стипендіатскаго года, въ который обыкновенно разрабатывается сказанная диссертация, и, во-вторыхъ, въ томъ, что настоящій учебный годъ мнѣ пришлось посвятить, вслѣдствіе увеличенія мнѣ вдвое числа лекціонныхъ часовъ, составленію курса лекцій. Печатать же диссертацию, имѣющую выйдти за предѣлы академической семьи, въ публлку,— въ небрежномъ, необработанномъ видѣ, мнѣ представляется проступкомъ противъ того служенія, на которое поставленъ Св. Церковью“.

Опредѣлили: Признавая просьбу исправляющаго должность доцента Академіи Павла Флоренскаго заслуживающе уваженія, просить ходатайства Его Преосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о продленіи ему срока для полученія степени магистра богословія на одинъ годъ, т. е. до 23 сентября 1911 года.

III. а) Отчетъ профессорскаго стипендіата Академіи *Василія Виноградова* объ его занятіяхъ въ теченіи 1909—1910 учебного года.

б) Отзывъ объ означенномъ отчетѣ и. д. доцента Академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта и временнаго преподавателя гомилетики и исторіи проповѣдничества—*священника Д. В. Рождественскаго*:

„Изъ разсмотрѣннаго мною, по порученію Преосвященнаго Ректора, стипендіатскаго отчета г. Виноградова видно, что онъ, въ своихъ занятіяхъ за истекающій учебный годъ, преимущественное вниманіе сосредоточилъ на ознакомленіи съ научною разработкою гомилетической теоріи на протестантскомъ и католическомъ Западѣ отъ начала XIX столѣтія до настоящаго времени. Въ своемъ обширномъ (312 стр.) отчетѣ онъ обстоятельно излагаетъ сущность важнѣйшихъ

сочиненій по теоріи гомилетики слѣдующихъ ученыхъ, работавшихъ въ этой области,—протестантскихъ: Шотта, Термэна, Винэ, Штира, Зиккеля, Шлейермахера, Швейцера, Баура, Краусса, Бассермана, Нича, Штокмейера, Пальмера, Гаупа, Христлиба, Геринга, Готшика, Клейнерта, Нибергалья, Баумгартена, Шіана и католическихъ: Юнгмана, Кунце, Дюпанлу и др.

При изложеніи сущности взглядовъ ученыхъ различныхъ направленій, г. Виноградовъ относится къ нимъ всюду строго критически, отмѣчая послѣдовательность въ развитіи ученія протестантовъ и католиковъ о существѣ проповѣди и выясняя отношеніе представителей одного направленія къ представителямъ другого. Въ результатѣ изученія трудовъ протестантскихъ гомилетовъ, онъ приходитъ къ заключенію, что въ протестантствѣ не можетъ быть удовлетворительно объясненъ исходный моментъ проповѣдническаго творческаго процесса, такъ какъ здѣсь отсутствуетъ идея благодатнаго дара священства. Въ католичествѣ на тотъ же вопросъ обычно дается отвѣтъ словами церковно-юридическихъ актовъ и вообще теорія проповѣди въ трудахъ католическихъ гомилетовъ отличается догматичностью метода. „Это не значитъ, по словамъ составителя отчета,—какъ полагаетъ протестантская наука, что такой методъ неизбѣженъ вслѣдствіе исходнаго пункта католической гомилетики — самостоятельной идеи богоустановленности церковнаго учительства, какъ функціи іерархическаго служенія. Такой методъ неизбѣженъ въ католической наукѣ не въ силу самаго существа этой идеи, а въ силу исключительно внѣшняго юридически-правоваго ея представленія... Эта то идея, заключающаяся въ тезисѣ богоустановленности проповѣдничества, какъ функціи священства, тезисѣ общемъ у католичества съ православною Церковью, но вслѣдствіе конфессіональныхъ особенностей католичества не разумѣваемомъ послѣднимъ, и должна быть положена въ основу научно-гомилетическихъ изслѣдованій и построеній *православной* гомилетической науки“ (стр. 268—270). Развитиёмъ этого положенія и заканчивается критическій обзоръ протестантскихъ и католическихъ системъ теоріи проповѣди.

Къ этому присоединяется подобный же обзоръ научныхъ системъ исторіи проповѣди въ католичествѣ (гдѣ, по мнѣ-

нію г. Виноградова, въ сущности, нѣтъ строго научной теоріи проповѣди, не имѣется и строго научной исторіи проповѣди) и протестантствѣ (гдѣ и въ сочиненіи проф. Геринга, *Die Lehre von der Predigt*, представляющемъ наиболѣе „удачную попытку органической реконструкціи исторіи проповѣди изъ процесса развитія христіанской жизни“, нельзя не замѣтить недостатка, „на протестантской гомилетической почвѣ не восполнимаго“, стр. 297 и 305). Заключение этого, сравнительно краткаго, отдѣла таково: „исторія проповѣди можетъ быть вполне понята и процессъ ея органическаго развитія можетъ быть удовлетворительно научно представленъ только на *центральной оси исторіи пастырства*“ (стр. 306).

Помимо систематическаго и критическаго изученія важнѣйшихъ сочиненій по теоріи и исторіи проповѣди (преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ), г. Виноградовъ проштудировалъ или просмотрѣлъ значительное количество цѣлыхъ курсовъ, отдѣльныхъ монографій и журнальныхъ статей, имѣющихъ то или иное отношеніе къ вопросамъ теоріи и исторіи проповѣди, характеристикѣ современнаго состоянія проповѣдничества на Западѣ и пр. (стр. 307—312). Полагаемая г. Виноградовымъ въ основу намѣчающейся у него собственной системы мысль о неразрывной связи проповѣдничества съ пастырствомъ побудила его удѣлить немалую долю вниманія изученію выдающихся трудовъ по пастырскому богословію и ознакомленію съ современнымъ состояніемъ этой науки на инославномъ Западѣ.—Добросовѣстное и успѣшное выполненіе, въ теченіе одного года, столь обширной и сложной программы могло бы показаться мало вѣроятнымъ, если бы въ этомъ не убѣждалъ прилагаемый отчетъ—строго продуманный и детально разработанный.

Если припомнить, что г. Виноградовъ на третьемъ курсѣ написалъ обширное и выдающееся по своимъ достоинствамъ изслѣдованіе на тему по исторіи русскаго проповѣдничества въ новѣйшее время („Амвросій, архіепископъ Харьковскій, какъ проповѣдникъ“), а предметомъ его курсоваго сочиненія были древне-русскіе сборники „Уставныхъ Чтеній“, и въ немъ онъ изложилъ результаты тщательнаго изученія не только источниковъ исторіи древне-русской проповѣди, но и многихъ памятниковъ святоотеческаго, средневѣковаго и южно-славянскаго церковнаго учительства (стр. 14—15 от-

чета); если обратить вниманіе на то, что на студенческой скамьѣ г. Виноградовымъ и motu proprio составлено и напечатано нѣсколько разсужденій гомилетическаго характера или имѣющихъ близкое отношеніе къ вопросамъ пастырско-проповѣдническаго служенія; что онъ въ теченіе трехъ лѣтъ стоялъ во главѣ кружка студентовъ—проповѣдниковъ и въ достаточной мѣрѣ успѣлъ заявить себя въ качествѣ талантливаго проповѣдника;—то, въ заключеніе отзыва о представленномъ отчетѣ, съ полнымъ правомъ можно замѣтить, что его составитель готовится вступить на предлагаемую ему Совѣтомъ Академіи кафедру гомилетики (соединяемой по новому уставу съ пастырскимъ богословіемъ) всесторонне и вполне основательно изучившимъ все существенно важное для гомилета и пасторалиста, что представляетъ святоотеческая письменность, литература западная и русская; а съ дѣломъ проповѣдничества ознакомившимся и практически“.

Справка: I) Постановление Совѣта Академіи отъ 23 сентября 1909 года (журналъ собраній Совѣта 23 сентября—7 октября 1909 года, № 14, ст. II): „1) На кафедру гомилетики и исторіи проповѣдничества имѣть въ виду кандидата и профессорскаго стипендіата Академіи выпуска текущаго 1909 года *Василія Виноградова*, предложивъ ему посвятить текущій 1909—1910 учебный годъ подготовленію къ занятію означенной кафедры.—2) Окончательное сужденіе объ избраніи кандидата Виноградова имѣть по представленіи имъ отчета о стипендіатскихъ занятіяхъ.—3) Временное преподаваніе гомилетики и исторіи проповѣдничества студентамъ III курса Академіи въ текущемъ 1909—1910 учебномъ году предложить бывшему преподавателю этого предмета, нынѣ и. д. доцента Академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія Вѣхаго Завѣта *священнику Д. В. Рождественскому*, съ особымъ вознагражденіемъ въ размѣрѣ жалованья доцента.—II) Послѣдовавшая на упомянутомъ журналѣ резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 25 октября 1909 года означенное постановление Совѣта было утверждено. — III) § 50 устава духовныхъ академій 1884 года: „Ищущіе званія профессора или доцента, но неизвѣстные Совѣту своими преподавательскими способностями, сверхъ условій, изложенныхъ въ §§ 45

и 48, должны прочесть публично, въ присутствіи Совѣта, двѣ пробныя лекціи: одну на тему по собственному избранію, а другую по назначенію Совѣта“.

Опредѣлили: 1) Соглашаясь съ заключеніемъ и. д. доцента Академіи священника Д. В. Рождественскаго о вполне достаточной подготовкѣ профессорскаго стипендіата Василя Виноградова къ занятію каѳедры гомилетики, соединяемой по новому уставу духовныхъ академій съ пастырскимъ богословіемъ, предложить Виноградову прочесть въ концѣ текущаго 1909—1910 учебнаго года установленныя § 50 академическаго устава двѣ пробныя лекціи: одну (на тему по собственному избранію)—по гомилетикѣ, другую (на тему по назначенію Совѣта академіи)—по пастырскому богословію, послѣ чего и имѣть по данному вопросу окончательное сужденіе.—2) Тему для пробной лекціи профессорскаго стипендіата Василя Виноградова по пастырскому богословію поручить дать преподавателю сего предмета.

На семь журналѣвъ резолюція Его Преосвященства: „1910 г. мая 24. Утверждается“.

28 мая 1910 года.

№ 6.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Феодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостынь; заслуженные ординарные профессора—Н. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—С. П. Соболевскій, С. И. Смирновъ и Д. И. Введенскій.

Отсутствовали: заслуженный ординарный профессоръ А. Д. Бѣляевъ и экстраординарные профессора—П. П. Соколовъ, П. В. Поповъ, П. М. Громогласовъ, Н. Г. Городецкій, М. М. Богословскій и А. П. Орловъ.

Въ собраніи семь исправляющій должность доцента Академіи по каѳедрѣ еврейскаго языка и библейской археологии, кандидатъ богословія, священникъ *Евгеній Воронцовъ* за-

щищаль представленную имъ на соисканіе степени магистра богословія диссертацию подъ заглавіемъ: „Домасоретская и масоретская Библия, какъ манускриптъ, въ связи съ исторією древне-еврейскаго письменнаго дѣла. Выпускъ первый. Общія положенія“. Сергіевъ Посадъ, 1910 г.

Официальными оппонентами, согласно опредѣленію Совѣта Академіи отъ 27 апрѣля текущаго 1910 года, были: заслуженный ординарный профессоръ Академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта *М. Д. Муретовъ* и экстраординарный профессоръ по кафедрѣ греческаго языка и его словесности *С. П. Соболевскій*.

По окончаніи коллоквиума Преосвященный Ректоръ Академіи, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ единогласно призналъ защиту магистрантомъ его диссертациі удовлетворительною.

Справка: 1) Рукопись магистерской диссертациі н. д. доцента Академіи *Е. А. Воронцова* одобрена была къ напечатанію по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 21 апрѣля 1909 года, по выслушаніи отзывовъ о ней заслуженнаго ординарнаго профессора *М. Д. Муретова* и экстраординарнаго профессора (нынѣ оставившаго академическую службу) *А. И. Покровскаго*.—2) По § 136 устава духовныхъ академій 1884 года: „Кандидаты удостоиваются степени магистра богословія не иначе, какъ по напечатаніи сочиненія и удовлетворительномъ защищеніи его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ (коллоквиумъ)“.—3) По § 81 лит. в. п. 6 того же устава удостоеніе степени магистра богословія значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ, чрезъ Епархіальнаго Преосвященнаго, на утвержденіе Святѣйшаго Синода.—4) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 10 апрѣля 1909 года за № 4547 Совѣтамъ академій предписано: впредь при возбужденіи ходатайствъ чрезъ мѣстныхъ Епархіальныхъ Преосвященныхъ объ утвержденіи въ ученыхъ богословскихъ степеняхъ магистра и доктора представлять въ Святѣйшій Синодъ по пятнадцати экземпляровъ сочиненій, поступившихъ на соисканіе означенныхъ ученыхъ степеней.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Преосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи испра-

вляющаго должность доцента Академіи по кафедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи, кандидата богословія, священника Евгенія *Воронцова* въ степени магистра богословія.—2) Представить Его Преосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святѣйшій Синодъ — пятнадцать экземпляровъ диссертациі священника *Воронцова* и копии съ отзывать о ней заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова* и бывшаго экстраординарнаго профессора *А. И. Покровскаго*.

На семь журналѣ резолюція Его Преосвященства: „1910 г. іюня 10. Утверждается“.

10 іюня 1910 года.

№ 7.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостыинъ, заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. П. Введенскій, С. С. Глаголевъ и М. М. Тарѣвъ; экстраординарные профессора—П. П. Соколовъ, П. М. Громогласовъ, С. П. Смирновъ и Д. И. Введенскій; исправляющіе должность доцента—священникъ Е. А. Воронцовъ, Н. Л. Туницкій, Ѳ. М. Россейкинъ, священникъ Д. В. Рождественскій и лекторъ В. П. Лучининъ.

Изъ числа членовъ Совѣта отсутствовали: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій; ординарный профессоръ А. А. Спасскій; экстраординарные профессора—С. П. Соболевскій, П. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій, М. М. Богословскій и А. П. Орловъ.

Въ собраніи семь, во исполненіе резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшей на указѣ Святѣйшаго Синода отъ 8 апрѣля текущаго 1910 года за № 5125, имѣли сужденіе о мѣрахъ къ примѣненію, съ предстоящаго 1910—1911 учебнаго года, новаго устава духовныхъ академіи по учебной части.

Опредѣлили: Просить Его Преосвященство представить Святѣйшему Синоду нижеслѣдующія предположенія Совѣта Академіи по сему предмету, вытекающія отчасти изъ мѣстныхъ условій (существовавшаго доселѣ въ Московской Духовной Академіи распредѣленія общеобязательныхъ и спеціальныхъ предметахъ по курсамъ, командировки или совершеннаго отсутствія преподавателя по тому или другому предмету и т. д.), отчасти изъ соображеній педагогическихъ:

1) Къ I-му курсу Совѣтъ полагалъ бы примѣнить требованія новаго устава духовныхъ академій полностью, придерживаясь приложеннаго къ уставу примѣрнаго расписанія лекцій, съ слѣдующими лишь отступленіями: преподаваніе еврейскаго и новыхъ языковъ Совѣтъ, основываясь на многолѣтнемъ опытѣ, предполагаетъ сосредоточить на этомъ курсѣ, назначивъ по еврейскому языку 2 лекціонныхъ часа (вмѣсто 1 по примѣрному расписанію), а по новымъ языкамъ— 4 (вмѣсто 2).—Изученіе перваго облегчитъ студентамъ, при переходѣ на II курсъ, слушаніе лекцій и практическія занятія по Священному Писанію Ветхаго Завѣта, такъ какъ обращеніе къ подлинному тексту не будетъ уже представлять для нихъ затрудненій; изученіе же новыхъ языковъ доставитъ имъ возможность пользоваться при составленіи третнихъ сочиненій и рефератовъ иностранными пособиями.—Взамѣнъ этого Совѣтъ полагалъ бы перенести на II курсъ преподаваніе психологіи, издавна въ Московской Духовной Академіи читавшейся на этомъ курсѣ.

2) На II курсѣ Совѣтъ, придерживаясь примѣрнаго расписанія, полагалъ бы въ виду превышенія нормы лекціонныхъ часовъ (со II-го на I-й курсъ переносится лишь 3 лекціи по еврейскому и новымъ языкамъ; обратно же по психологіи—5 лекцій), назначить 4 лекціонныхъ часа (вмѣсто 5) по Священному Писанію Ветхаго Завѣта и исторіи философіи, тѣмъ болѣе, что преподаватели этихъ предметовъ принадлежатъ къ числу начинающихъ.

3) На III курсѣ Совѣтъ полагалъ бы: а) исключить изъ предметовъ примѣрнаго расписанія Священное Писаніе Ветхаго Завѣта и патрологію, такъ какъ науки эти уже про-

слушаны были студентами на II курсѣ, и замѣнить ихъ исторією древней церкви и исторією русской церкви, которыхъ студенты этого курса еще не слушали; б) ввести преподаваніе групповыхъ предметовъ, безъ практическихъ занятій по нимъ (назначивъ 3 лекціонныхъ часа); в) не вести практическихъ занятій по пастырскому богословію, преподаватель котораго только что вступаетъ на кафедру; и г) назначить 4 лекціонныхъ часа (вмѣсто 5) по педагогикѣ.—Основаніе для такового уменьшенія числа лекціонныхъ часовъ Совѣтъ усматриваетъ отчасти (какъ сказано выше) въ нуждахъ начинающихъ преподавателей, главнымъ же образомъ въ томъ, что студентамъ, начавшимъ академическое образованіе до 1910—1911 учебнаго года, приходится теперь въ нѣкоторой мѣрѣ нести двойной трудъ: они изучили по старому уставу какъ обязательныя нѣкоторыя науки, ставшія нынѣ групповыми (библейскую исторію библейскую археологію и др.) и должны по новому уставу три дисциплины (Священное Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта, патрологію) изучать въ двойномъ объемѣ. Число подлежащихъ ихъ изученію наукъ оказывается такъ велико, что при назначеніи для каждой изъ нихъ 5 часовъ потребовалось бы, на III-мъ курсѣ напр., 35 или даже болѣе лекціонныхъ часовъ въ недѣлю.

4) По отношенію къ IV курсу Совѣтъ находитъ возможнымъ примѣнить дѣйствіе новаго устава лишь введеніемъ практическихъ занятій по догматическому и нравственному богословію.—Въ соотвѣтствіе сему признается необходимымъ исключить изъ предметовъ примѣрнаго расписанія патрологію и педагогику, какъ уже выслушанныя студентами, не вводитъ (по причинѣ, указанной въ п. 3) практическихъ занятій по пастырскому богословію, но сдѣлать обязательнымъ для студентовъ этого курса изученіе исторій западныхъ исповѣданій, ставшей по новому уставу групповымъ предметомъ (также безъ практическихъ занятій).

Такимъ образомъ лишь студенты IV курса будутъ выпущены изъ Академіи по старому уставу и съ дипломами прежняго образца; къ студентамъ же остальныхъ трехъ курсовъ полностью или отчасти (на III курсѣ) будутъ примѣнены правила новаго устава какъ относительно изученія

групповыхъ предметовъ, такъ и относительно участія въ практическихъ занятіяхъ.

Вмѣстѣ съ симъ Совѣтъ Академіи считаетъ долгомъ почтительнѣйше представить на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода нижеслѣдующія ходатайства, имѣющія непосредственную связь съ введеніемъ учебной части новаго устава духовныхъ академій:

5) Для серьезной постановки практическихъ занятій требуется приобрѣтеніе для студентовъ въ значительномъ, соотвѣтствующемъ числу ихъ, количествѣ источниковъ наукъ, ученыхъ пособій, важнѣйшихъ сочиненій изъ литературы предметовъ, учебниковъ и учебныхъ пособій къ преподаванію извѣстныхъ наукъ въ семинаріи и проч.; необходимо, разумѣется, и устройство соотвѣтствующихъ помѣщеній для книгъ.—Между тѣмъ скудный бюджетъ академической библиотеки, объ увеличеніи котораго уже неоднократно возбуждаемы были Совѣтомъ Академіи ходатайства, не позволяетъ удѣлять на этотъ предметъ ни одной копѣйки безъ серьезнаго ущерба для ученой дѣятельности Академіи. Въ виду сего Совѣтъ почтительнѣйше ходатайствуетъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ единовременномъ отпускѣ изъ имѣющихся въ распоряженіи Святѣйшаго Синода суммъ 3000 рублей (по расчету до 100 р. на каждый предметъ) на устройство при Академіи специальной бібліотеки для практическихъ занятій.

6) По § 142-му новаго академическаго устава „женатыя въ студенты Академіи не принимаются“, при чемъ исключеніе изъ этого правила допущено лишь для Казанской и Кіевской Академій, куда, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, могутъ быть принимаемы семейныя лица бѣлаго духовенства, если они удовлетворяютъ требованіямъ §§ 141 и 144.—Между тѣмъ въ настоящее время въ числѣ вольнослушателей Московской Духовной Академіи состоятъ семейные священнослужители, оставившіе свои мѣста въ епархіяхъ и озаботившіеся приобрѣтеніемъ званія студента семинаріи. Они уже сроднились съ Московскою Академіею; въ ней именно желали бы получить высшее образованіе и новымъ правиломъ устава застигнуты теперь совершенно врасплохъ.—Принимая во вниманіе, что большинство семейныхъ священ-

послужителей, поступавшихъ за послѣдніе четыре года въ Академію, зарекомендовали себя въ глазахъ Совѣта прекрасными работниками (напр. въ числѣ 22 магистрантовъ выпуска 1910 года значатся 9 священниковъ и 1 діаконъ, занявшіе въ разрядномъ спискѣ 3, 4, 5, 6, 10, 14, 15, 19, 20 и 21 мѣста), что и тѣ духовныя лица, которыя нынѣ состоятъ вольнослушателями Академіи, извѣстны Преосвященному Ректору съ весьма хорошей стороны,—Совѣтъ почтительнѣйше ходатайствуетъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ о разрѣшеніи допустить ихъ, въ видѣ изытія изъ общаго правила, къ пріемнымъ испытаніямъ для поступления въ число студентовъ I курса Академіи, имѣющимъ быть въ августѣ мѣсяцѣ текущаго 1910 года.

7) По § 141-му устава повѣрочнымъ испытаніямъ, кромѣ студентовъ духовныхъ семинарій, прибывающихъ въ Академію на собственныя средства, подвергаются „имѣющіе въ гимназическихъ аттестатахъ или свидѣтельствахъ зрѣлости высшіе баллы (5 и 4)“. Почтительнѣйше испрашивая разъясненія, разнзначуще ли приведенное выраженіе („имѣющіе въ гимназическихъ аттестатахъ или свидѣтельствахъ зрѣлости“) съ терминомъ примѣчанія къ § 111-му устава духовныхъ академій 1884 года („окончившіе курсъ ученія въ классическихъ гимназіяхъ и соотвѣтствующихъ имъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній“), Совѣтъ Академіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во вниманіе, что иногда въ кругу высшихъ балловъ можетъ оказаться одна 3-ка, при томъ, можетъ быть, по предмету, имѣющему въ системѣ общаго образованія второстепенное значеніе (напр. по тригонометріи), ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ о разрѣшеніи ректору Академіи или особо для сего избранной комиссіи изъ членовъ Совѣта допускать къ пріемнымъ испытаніямъ и тѣхъ воспитанниковъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, въ аттестатѣ которыхъ имѣются 3-ки, руководясь тѣмъ лишь, чтобы послѣдній въ общемъ свидѣтельствовалъ объ очень хорошихъ успѣхахъ воспитанника.

На семь журналѣ резолюція Его Преосвященства: „1910 г. іюня 16. Утверждается“.

10 іюня 1910 года.

№ 8.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Θεодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостыинъ, заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. П. Введенскій, С. С. Глаголевъ и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—П. П. Соколовъ, И. М. Громогласовъ, С. И. Смирновъ и Д. И. Введенскій; исправляющіе должность доцента—священникъ Е. А. Воронцовъ, Н. Л. Туницкій, Ѳ. М. Россейкинъ, священникъ Д. В. Рождественскій и лекторъ В. П. Лучининъ.

Изъ числа членовъ Совѣта **отсутствовали**: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій; ординарный профессоръ А. А. Спасскій; экстраординарные профессора—С. И. Соболевскій, И. В. Поповъ, Н. Г. Горонденскій, М. М. Богословскій и А. П. Орловъ.

Слушали: I. Резолюціи Его Преосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 27 апрѣля, № 3: „1910 г. мая 20. Утверждается. Журналъ сей полученъ мною 17-го мая. Епископъ Трифонъ“.

б) 27 апрѣля, № 4: „1910 г. мая 20. Утверждается. Журналъ сей полученъ мною 17-го мая. Епископъ Трифонъ“.

в) 10 мая, № 5: „1910 г. мая 24. Утверждается“.

Опредѣлили: Резолюціи Его Преосвященства принять къ свѣдѣнію.

II. Отзывъ ординарнаго профессора Академіи *А. И. Введенскаго* объ отчетѣ профессорскаго стипендіата Академіи (выпуска 1908 года) *Петра Нечаева*:

„Ознакомившись съ обипрнымъ (135 стр.) отчетомъ профессорскаго стипендіата, Петра Нечаева, о занятіяхъ въ теченіе 1908—9 учебнаго года и тремя приложениями къ нему: „О сущности и задачахъ философіи по взгляду Рилля“ (стр. 40), „Методъ критической философіи и формальный идеализмъ Канта“ (стр. 50) и „Проблема объ отношеніи психическаго и

физическаго или души и тѣла по воззрѣніямъ Штумпфа“ (стр. 30),—нахожу, что г. Нечаевъ использовалъ стипендіатскій годъ цѣлесообразно. Почти все время онъ провелъ въ Берлинѣ при университетѣ (два семестра), гдѣ, согласно даннымъ ему мною указаніямъ, работалъ и надъ своимъ сочиненіемъ, пользуясь богатою Королевскою бібліотекою, и слушалъ лекціи по философіи (Риля, Штумпфа, Дессуара, Лассона и др.). Изъ отчета видно, что онъ *дѣйствительно* слушалъ лекціи, а не числился только слушателемъ,—слушалъ и даже старательно ихъ записывалъ. О томъ же свидѣтельствуютъ и „приложенія“ къ отчету. Правда, было бы лучше, если бы авторъ отчета не столь усиленно заботился объ уловленіи всѣхъ деталей въ прослушанныхъ курсахъ и проштудированныхъ книгахъ, но, въ замѣнъ того, сосредоточилъ бы свое вниманіе на существенномъ и наиболѣе характерномъ. Тогда его отчетъ не являлся бы, какъ теперь, внѣшне-протоколною записью иногда совсѣмъ не важнаго и общеизвѣстнаго и, въ случаѣ напечатанія, обогащалъ бы новыми и полезными свѣдѣніями тѣхъ, кому пришлось бы съ нимъ ознакомиться и былъ бы нѣкоторымъ вкладомъ въ науку... Но, во всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ лично для самого стипендіата его штудіи несомнѣнно были полезны, какъ дальнѣйшая, послѣ Академіи, подготовка къ преподаванію философіи“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

III. Прошеніе профессора Московской Консерваторіи и преподавателя Синодальнаго Училища церковнаго пѣнія, протоіерея Московскаго Казанскаго собора *Василія Металлова*:

„Ректоръ Московской Духовной Академіи 8-го Января 1907 года за № 9 извѣстилъ меня, что Совѣтъ Московской Духовной Академіи въ собраніи своемъ 13-го Декабря 1906 года постановилъ предложить мнѣ при соисканіи степени магистра богословія сдать дополнителныя устныя испытанія по 14-ти предметамъ академическаго курса съ тѣмъ, чтобы имѣть баллы по каждому изъ нихъ не менѣе $4\frac{1}{2}$, и представить 3 семестровыхъ сочиненія также съ бал-

лами не менѣе $4\frac{1}{2}$ на каждомъ. Въ настоящее время большая часть предложенныхъ мнѣ работъ мною выполнена, — но въ отношеніи библейской археологіи и Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта, по которымъ также назначены мнѣ Совѣтомъ дополнительныя испытанія, осмѣливаюсь почтительнѣйше просить Совѣтъ, принявъ во вниманіе нижеизложенное, освободить меня отъ дополнительныхъ испытаній по симъ предметамъ. Основанія моей просьбы слѣдующія. Въ дипломъ на степень кандидата богословія, выданномъ мнѣ Совѣтомъ Академіи 12 Марта 1901 года № 166-й, значится: „еврейскому языку и библейской археологіи весьма хорошія“ (разум. познанія), „Священному Писанію очень хорошія“. Въ справкѣ протоколовъ Совѣта за Августъ 1899 ст. II, значится, что по еврейскому языку мною получено на II курсѣ 5—, а по ст. IX протоколовъ Совѣта 15 Декабря 1900 года, на дополнительныхъ испытаніяхъ по библейской археологіи мною получено 4, слѣдовательно, въ отмѣткѣ диплома принять средній баллъ $4\frac{1}{2}$, который вполне удовлетворяетъ требованіямъ на степень магистра. По Священному Писанію Ветхаго Завѣта, какъ видно изъ той же справки, за I-й курсъ мнѣ поставлено $4\frac{1}{2}$ и за II-й курсъ 4, средній баллъ $4\frac{1}{4}$; по Священному Писанію Новаго Завѣта, какъ видно изъ статьи IX протоколовъ 1900 г. Декабря 15, мнѣ поставлено 4; но въ настоящее время по Священному Писанію Новаго Завѣта у меня полученъ баллъ 5, слѣдовательно, получается отмѣтка требуемая для степени магистра, т. е. вмѣсто „очень хорошей“ кандидатскаго диплома, по Священному Писанію получается отмѣтка „весьма хорошая“ ($4\frac{5}{8}$). Кромѣ того мною получена отмѣтка $4\frac{1}{2}$ на семестровомъ сочиненіи по предмету Ветхаго Завѣта. Въ виду вышеизложеннаго, а также полагая весьма труднымъ для себя сдаваніе экзаменовъ, особенно по тѣмъ предметамъ, по которымъ не существуетъ печатныхъ пособій или литографированныхъ лекцій, и притомъ въ зависимости отъ требуемой по каждому предмету математической величины не менѣе $4\frac{1}{2}$, даже когда уже общій баллъ превысилъ требуемыя $4\frac{1}{2}$ изъ всѣхъ предметовъ, — осмѣливаюсь почтительнѣйше просить Совѣтъ Академіи отъ дополнительныхъ экзаменовъ по Ветхому Завѣту и библейской археологіи меня освободить“.

Справка: 1) Определеніемъ Совѣта Академіи отъ 13 декабря 1906 г. постановлено было: „предложить священнику (нынѣ протоіерею) Василию Металлову сдать новыя устныя испытанія по 14 предметамъ академическаго курса и представить новыя семестровыя сочиненія по 3 предметамъ (перечисленнымъ въ п. 4 справки), съ предупреденіемъ, что для полученія степени магистра богословія онъ долженъ какъ на устныхъ испытаніяхъ по каждому предмету, такъ и по каждому семестровому сочиненію получить баллъ не ниже $4\frac{1}{2}$,— послѣ чего и имѣть сужденіе о разсмотрѣніи представленной имъ на степень магистра диссертации“ (подъ заглавіемъ: „Богослужбное пѣніе русской церкви. Періодъ домонгольскій. Часть I и II, съ приложеніемъ 9 таблицъ снимковъ съ рукописей X—XI—XII вв.“ Москва, 1906 г. Стр. 336+IX).— 2) Во исполненіе означеннаго постановленія протоіереемъ Металловымъ представлены три семестровыхъ сочиненія: по Священному Писанію Ветхаго Завѣта (отмѣчено балломъ $4\frac{1}{2}$), метафизикъ (5—) и психологіи ($4\frac{1}{2}$) и сданы предъ особо для сего назначенными комиссіями изъ наставниковъ Академіи устныя испытанія по 12-ти предметамъ академическаго курса: Священному Писанію Новаго Завѣта (баллъ—5), догматическому богословію ($4\frac{1}{2}$), нравственному богословію (5), патристикѣ (5), общей церковной исторіи ($4\frac{1}{2}$), церковной археологіи и литургикѣ ($4\frac{1}{2}$), церковному праву (5), исторіи философіи (5), психологіи (5), древней гражданской исторіи (5—), новой гражданской исторіи (5) и русской гражданской исторіи ($4\frac{1}{2}$).—3) Остальныя справки изъ дѣлъ Совѣта Академіи приведены въ прошеніи протоіерея Металлова правильно.—4) По § 81 лит. а п. 6 устава духовныхъ академій 1884 г. „распоряженіе о разсмотрѣніи диссертаций на ученныя степени и оцѣнка оныхъ“ значитъ въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: 1) Признавая просьбу протоіерея *Василія Металлова* заслуживающею уваженія,—освободить его отъ сдачи дополнительныхъ устныхъ испытаній по Священному Писанію Новаго Завѣта и библейской археологіи.—2) Магистерскую диссертацию протоіерея Металлова передать для разсмотрѣнія ординарному профессору Академіи по кафедрѣ церковной археологіи и литургики *А. П. Голубцову*.

IV. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторымъ рецензентомъ магистерской диссертациі *протоіеря Василія Металлова* онъ назначаетъ члена Совѣта—экстраординарнаго профессора по кафедрѣ русской гражданской исторіи *М. М. Богословскаго*, а вторымъ рецензентомъ магистерской диссертациі преподавателя Подольской духовной семинаріи *Алексѣя Шарапова* („Вторая книга Ездры. Историко-критическое введеніе въ книгу“—рукопись), принятой къ разсмотрѣнію по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 10 іюня 1909 г.,—экстраординарнаго профессора по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола *И. М. Громова*.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

V. Отношеніе Канцеляріи Совѣта Императорскаго Московскаго Университета, отъ 31 мая за № 2420:

„Канцелярія Совѣта Императорскаго Московскаго Университета препровождаетъ при семь въ Московскую Духовную Академію дипломъ на степень доктора русской исторіи отъ 20 сего мая, за № 2282, принадлежащій доценту Академіи *Михаилу Богословскому* и искорѣйше просить о полученіи означеннаго диплома не отказать увѣдомить, а равно доставить въ Университетъ дипломъ г. Богословскаго на степень магистра“.

Опредѣлили: Докторскій дипломъ г. экстраординарнаго профессора *М. М. Богословскаго* хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи; магистерскій же дипломъ его, отъ 3 марта 1909 г. за № 769, возвратить въ Императорскій Московскій Университетъ.

VI. Прошеніе экстраординарнаго профессора Академіи *С. И. Смирнова*

„Прошу Совѣтъ Академіи выписать на трехмѣсячный срокъ слѣдующія рукописи, необходимыя для моихъ научныхъ занятій: а) Изъ Императорской Публичной Библиотеки: 1. Серпуховской сборникъ 1645 г. (Собранія Буслаева по каталогу Бычкова № 86). Q. II. № 102. 2. Сборникъ XVI—XVII вв. Q. I. № 1307 (Отчетъ II. П. Б.—ки 1900—1 гг. 144 стр.)

з. Сборникъ скороп. XVII в. Ф. XVII. № 38 (Отчетъ 1874 г. стр. 119). 4. Сборникъ XV в. Q. I. № 1130 (Отчетъ 1891 г. 117 стр.). 5. Сборникъ втор. пол. XVII в. Q. XVII. № 39 (Отчетъ 1887 г. 169 ст.). 6. Рукопись XIV в. на хлопчатой бумагѣ на 237 л. въ листъ. Собранія гр. Θ. Толстова № 152 (Описаніе Строева, I, стр. 79 слѣд.). в) Изъ Библіотеки Казанской Духовной Академіи: 1. Кормчая сокращенная 1493 г. № 412 (528). (Описанія II ч. стр. 1—25) 2. Номоканонъ называемый Зонара съ добавленіями XVI в. № 417 (685). (Описанія, II, 67—75)“.

Опредѣлили: Просить Управление Императорской Публичной Библіотеки и Совѣтъ Казанской Духовной Академіи о высылкѣ означенныхъ въ прошеніи профессора С. П. Смирнова рукописей на трехмѣсячный срокъ.

VII. Отношеніе Императорской Археологической Комиссіи отъ 20 мая за № 243:

„Императорская Археологическая Комиссія, возвращая при семь рукопись подъ № 97, присланную при отношеніи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 30 іюня 1837 г. за № 1286, покорнѣйше просить о полученіи оной увѣдомить“.

Опредѣлили: Увѣдомить Императорскую Археологическую Комиссію о полученіи означенной въ отношеніи рукописи.

VIII. Отношенія:

а) Архива Святѣйшаго Синода, отъ 4 мая за № 222. съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи дѣлъ Архива: а) 1759 г. № 107, б) 1766 г. № 90 и в) 1772 № 160.

б) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 30 апрѣля за № 1049, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи рукописей Лаврской библіотеки подъ №№ 10 („Служебникъ 1655 г.“), 227 и 233.

в) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 12 мая за № 1308, съ препровожденіемъ. на

тремѣсячный срокъ, принадлежащаго Московской Синодальной Библіотекѣ Сборника конца XV вѣка Чудовскаго собранія № 277.

г) Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи, отъ 5 іюня за № 811, съ препровожденіемъ рукописи подь №№ 1262 (Сборникъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря XIV—XV в.), на трехмѣсячный срокъ.

д) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 8-го мая за № 1080, съ препровожденіемъ, на трехмѣсячный срокъ, рукописей Лаврской библіотеки подь №№ 192, 224 и 769.

е) Правленіе Кіево-Злато-Верхо-Михайловскаго монастыря, отъ 20 мая за № 363, съ увѣдомленіемъ о неимѣнии прѣпятствій къ продленію срока пользованія рукописями монастырской библіотеки за № 490 и 492—еще на два мѣсяца.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1910 г. Іюля 9. Смотрѣно“.

10 іюня 1910 года.

№ 9.

Присутствовали, подь предсѣдательствомъ Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—и д. ординарнаго профессора А. П. Шостынгъ, заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ и М. М. Тарѣвъ; экстраординарные профессора—П. П. Соколовъ, П. М. Громогласовъ, С. И. Смирновъ и Д. П. Введенскій; исправляющіе должность доцента—священникъ Е. А. Воронцовъ, Н. Л. Туницкій, Ѳ. М. Росейкинъ, священникъ Д. В. Рождественскій и лекторъ В. П. Лучининъ.

Изъ числа членовъ Совѣта **отсутствовали:** сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій; ординарный профессоръ А. А. Спасскій; экстраординарные

профессоры—С. И. Соболевскій, П. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій, М. М. Богословскій и А. П. Орловъ.

Слушали: I. Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Встѣхвятскаго*:

„Честъ имѣю представить Совѣту Академіи табели балловъ по устнымъ и письменнымъ отвѣтамъ, а также и по поведенію, полученныхъ за истекшій 1909—1910 учебный годъ студентами первыхъ трехъ курсовъ Академіи“.

По разсмотрѣніи табелей оказалось, что:

1) Изъ 61 студентовъ I курса. а) студенты *Берниковъ* Сергѣй, *Есиповъ* Иванъ и *Протопоповъ* Валентинъ не держали устныхъ испытаній, не представили никакихъ письменныхъ работъ за I курсъ (за исключеніемъ *Протопопова*, представившаго одно семестровое сочиненіе по древней гражданской исторіи) и просятъ Совѣтъ Академіи объ оставленіи ихъ, по болѣзни, въ томъ же курсѣ на второй годъ; б) студентъ *Семеновъ* Андрей, принятый въ составъ курса по опредѣленію Совѣта отъ 11 ноября 1909 года, не представилъ семестроваго сочиненія по метафизикѣ и ходатайствуетъ о разрѣшеніи исполнить эту обязанность послѣ лѣтнихъ каникулъ; в) студентъ *Ельчаниновъ* Александръ, окончившій университетскій курсъ по историко-филологическому факультету, согласно указу Святѣйшаго Синода отъ 5 мая 1910 года за № 6177 обязанъ сдать устныя испытанія по спеціальному предмету, одному изъ древнихъ и одному изъ новыхъ языковъ, хотя отмѣтки по нимъ и имѣются въ его университетскомъ дипломѣ.— г) Поведеніе сорока восьми студентовъ означено балломъ 5, девяти—балломъ 5— и двухъ—балломъ 4+ (студенты *Берниковъ* и *Есиповъ* провели учебный годъ внѣ Академіи и балла по поведенію не имѣютъ).

2) Изъ 71 студентовъ II курса не держали, по болѣзни, устныхъ испытаній: *іеромонахъ Серафимъ* (Іовановичъ), сербскій уроженецъ (по психологін); *Телятьевъ* Валеріанъ (по психологін) и *Хотовицкій* Александръ (по патристикѣ, исторіи философіи и психологін). Всѣми поименованными студентами представлены въ Совѣтъ Академіи прошенія, съ

приложеніемъ медицинскихъ свидѣтельствъ, о разрѣшеніи имъ сдать означенныя испытанія послѣ лѣтнихъ каникулъ.— Поведеніе сорока семи студентовъ означено балломъ 5, шестнадцати—балломъ 5—, шести—балломъ 4+ и двухъ—балломъ 4.

3) Изъ 59 студентовъ III курса: а) не держали, по болѣзни, устныхъ испытаній: *Давидовичъ* Владиміръ (по Священному Писанію Новаго Завѣта и латинскому языку), *Дубчукъ* Владиміръ (по исторіи и обличенію русскаго раскола), *Меліоранскій* Иванъ (по педагогикѣ, церковной археологіи и литургикѣ, церковному праву и латинскому языку) и *Покровскій* Александръ (по Священному Писанію Новаго Завѣта и русской церковной исторіи). Всѣми поименованными студентами представлены въ Совѣтъ Академіи прошенія, съ приложеніемъ медицинскихъ свидѣтельствъ, о разрѣшеніи имъ сдать означенныя испытанія послѣ лѣтнихъ каникулъ.—б) Студентъ *Кронтовскій* Николаѣй, поступившій въ число студентовъ I курса Академіи въ 1905 году и проведшій, по болѣзни, два учебныхъ года (1907 — 1908 и 1908 — 1909) въ домѣ родителей, въ истекшемъ 1909 — 1910 учебномъ году, по той же причинѣ, въ Академію вовсе не являлся и представилъ въ Совѣтъ Академіи прошеніе объ оставленіи его на второй годъ въ III курсѣ. — в) Студентъ *Сухановъ* Александръ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода (указъ отъ 29 октября 1909 года за № 14587) оставленный въ III-мъ курсѣ уже на третій годъ, также въ теченіи всего 1909—1910 учебного года не являлся въ Академію по болѣзни. Прошенія отъ него въ Совѣтъ Академіи не поступало.—г) Поведеніе сорока восьми студентовъ означено балломъ 5, шести—балломъ 5— и трехъ—балломъ 4+ (студенты *Кронтовскій* и *Сухановъ*, проведшіе учебный годъ внѣ Академіи, балла по поведенію не имѣютъ).

Справка: 1) §§ 132 — 134 устава духовныхъ академій 1884 года: „По окончаніи испытаній, на каждомъ курсѣ составляется Совѣтомъ списокъ студентовъ по успѣхамъ и поведенію... При опредѣленіи сравнительнаго достоинства студентовъ и составленіи списка ихъ принимаются во вниманіе сочиненія, устные отвѣты и поведеніе. *Примѣчаніе.* При составленіи списка новые языки въ общій счетъ предметовъ

не вводятся.—Въ случаѣ неуспѣшности, зависѣвшей единственно отъ болѣзни, студенты могутъ быть оставляемы, съ разрѣшенія Совѣта, на второй годъ въ томъ или другомъ курсѣ, но одинъ только разъ въ продолженіе четырехлѣтняго академическаго курса“.—2) По § 81 лит. а пп. 4—5 того же устава „составленіе списковъ студентовъ послѣ испытаній, переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ и оставленіе на томъ же курсѣ“ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.—3) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 16 января 1891 года за № 212 Совѣту Академіи вмѣнено въ обязанность позволять студентамъ перенесеніе устныхъ экзаменовъ на послѣ-каникулярное время только въ самыхъ уважительныхъ случаяхъ и не иначе, какъ съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія Его Высочайшаго Священства.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе сравнительное достоинство сочиненій, устныхъ отвѣтовъ и поведенія студентовъ I, II и III курсовъ Академіи,—перевести ихъ въ слѣдующіе курсы въ такомъ порядкѣ:

а) во II-й курсъ—студентовъ I курса: 1) Андреева Федора, Никольскаго Николая, Архангельскаго Алексѣя, Ремезова Алексадра, 5) Кочанова Николая, Кряжмскаго Александра, свящ. Чернова Іоанна, Иванова Петра, Олесевича Сергѣя, 10) Романова Александра, Мальгина Павла, Гражданскаго Тихона, свящ. Сокольскаго Павла, Зыкова Ивана, 15) Виноградова Павла, Тихомирова Александра, Соколова Николая, Курсина Анатолія, Скворцова Сергѣя, 20) Троицкаго Анатолія, свящ. Прозорова Николая, свящ. Полякова Іоанна, Бойкова Николая, Сидоренкова Алексѣя, 25) Аболенскаго Александра, Канделаки Мелхиседека, Виноградова Сергѣя, Шмелева Василія, свящ. Соколова Іоанна, 30) Часоводова Ивана, Леондева Николая, Полунина Михаила, свящ. Вышеславова Михаила, Шишковскаго Алексѣя, 35) Веселова Ивана, Благовѣщенскаго Викторина, Пылаева Владиміра, Сперанскаго Василія, Левкоева Владиміра, 40) Введенскаго Александра, Бондарева Феофота, Лисняка Діонисія, Миртова Владиміра, Корневскаго Анатолія, 45) Годеновскаго Василія, свящ. Черникова Николая, Веселовскаго Алексадра, Августова Дмит-

рія, Миловидова Івана, 50) Яснева Петра, Юніна Александра, Роджественскаго Сергѣя, Глинскаго Івана, Зедгенізева Василя, Богдановича Івана, 56) Фортинскаго Владимира.

б) *въ III-й курсъ*—студентовъ II курса: 1) Ремова Николая, Голованенко Сергѣя, Мигулина Александра, Муратова Василя, 5) свящ. Безсонова Николая, Курганскаго Михаила, Брянцева Леонида, свящ. Іванова Александра, Епифановича Григорія, 10) Рязановскаго Федора, Успенскаго Александра, свящ. Коновалова Іосифа, свящ. Смирнова Порфирія, свящ. Лукьянова Михаила, 15) Чайкина Георгія, Яхонтова Дмитрія, Соболева Владимира, свящ. Ефремова Михаила, Грацинскаго Івана, 20) свящ. Добровольскаго Василя, Писова Стефана, Ільинскаго Николая, Маркова Владимира, Изюмова Івана, 25) Троицкаго Виктора, Тихомірова Павла, Даниловскаго Александра, Никольскаго Василя, свящ. Лебедева Константина, 30) Орлова Василя, Реутова Валентина, Степанова Андрея, свящ. Архангельскаго Леонида, Носова Константина, 35) Богоявленскаго Сергѣя, свящ. Ільинскаго Михаила, свящ. Люстрицкаго Михаила, свящ. Соколова Алексія, Уметскаго Петра, 40) Руднева Николая, свящ. Надеждина Александра, Успенскаго Івана, Петропавловскаго Василя, Виноградова Михаила, 45) Прокоповича Бориса, Перехвальскаго Валентина, Чернышева Івана, свящ. Овсянникова Григорія, Іванова Константина, 50) Титова Алексѣя, Соловьева Івана, Сперанскаго Михаила, свящ. Андреевскаго Александра, Левкоєва Николая, 55) Сахарова Сергѣя, Прилуцкаго Сергѣя, Введенскаго Івана, Любимова Федора, Івановскаго Семена, 60) свящ. Михальчука Евстаѣя, Алексѣева Павла, Мацкевича Іосифа, Вершинскаго Николая, Новгородскаго Павла, 65) свящ. Владимірскаго Алексія, Рязановскаго Сергѣя, Максимова Александра, 68) свящ. Авдашкевича Петра.

в) *въ IV-й курсъ* — студентовъ III курса: 1) ієродіакона Пантелеимона (Успенскаго), Сперанскаго Алексѣя, діакона Смирнова Іоанна, свящ. Виноградова Николая, 5) свящ. Лебедева Дмитрія, Мурашева Алексѣя, Смирнова Івана, свящ. Миловскаго Николая, свящ. Горохова Іакова, 10) Протасова Николая, Филипповскаго Бориса, Владиславлева Владимира, Малышева Николая, свящ. Медвѣдкова Пантелеимона, 15)

Садковскаго Сергѣя, Кочетова Сергѣя, Гіацинтова Василя, Орлова Алексѣя, Семеновскаго Николая, 20) діакона Четверухина Илью, свящ. Лаврова Тихона, Ястремскаго Николая, Нарбекова Сергѣя, Сомова Николая, 25) ієродіакона Варлаама (Шикалова), Каширенинова Владиміра, Скворцова Владиміра, Ильинскаго Владиміра, свящ. Новикова Константина. 30) Толгскаго Николая, ієродіак. Кирилла (Соколова), Лебедева Александра, свящ. Струминскаго Мартина, свящ. Никольскаго Александра, 35) свящ. Борисова Василя, свящ. Невскаго Петра, Павловскаго Ивана, свящ. Орлова Сергія, Семенова Михаила, 40) ієромонаха Николая (Могилевскаго), Парія Андрея, Купріянова Николая, діакона Смородина Валентина, Гиляревскаго Андрея, 45) Шума Андрея, Труфанова Максимиліана, Вавресюка Ивана, свящ. Колесниченко Александра, Венустова Александра, 50) Житникова Сергія, свящ. Кудржинскаго Антонія, Богоявленскаго Гавріила, 53) Плъшанова Павла.

2) Студентовъ I курса: *Берникова Сергѣя, Есипова Ивана* и *Протопопова Валентина* оставить въ томъ же курсѣ на второй годъ; о разрѣшеніи же оставить на второй годъ въ III курсѣ студента *Кронтовскаго Николая* просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ

3) Студента III курса *Суханова Александра*, согласно требованію § 134 академическаго устава, уволить изъ Академіи по неуспѣшности.

4) Студентамъ: а) III курса—*Давидовичу Владиміру, Дубчуку Владиміру, Меліоранскому Ивану* и *Покровскому Александру*; б) II курса—*ієромонаху Серафиму (Іовановичу), Телятьеву Валеріану* и *Хотовицкому Александру* и в) I курса—*Ельчанинову Александру* дозволить сдать устныя испытанія, а студенту I курса *Семенову Андрею*—представить семестровое сочиненіе—послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августъ мѣсяцъ текущаго 1910 года.

5) Постановленія, изложенныя въ пп. 3 и 4, представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

6) Всѣмъ студентамъ I, II и III курсовъ, переведеннымъ въ слѣдующіе курсы и занимающимъ въ разрядномъ спискѣ

мѣста: на II курсѣ (за отказомъ отъ стипендіи студента *Андреева* Ѳедора) со 2-го по 31-е, на III курсѣ—съ 1-го по 30-е и на IV курсѣ (за назначеніемъ двумъ лучшимъ студентамъ крупныхъ стипендій)—съ 3-го по 32-е включительно, назначить на будущій 1910—1911 учебный годъ *казенныя стипендіи*.— Назначеніе частныхъ стипендій послѣдуетъ въ началѣ упомятаго учебнаго года.

II. а) Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Вельхвятскаго*:

„Честь имѣю представить Совѣту Академіи вѣдомость объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ настоящаго IV курса за всѣ четыре года академическаго образованія“.

По разсмотрѣннн вѣдомости оказалось, что изъ *64 студентовъ IV курса*:

1) Студентъ *священникъ Литвиненко Александръ* (изъ воспитанниковъ предшествующаго—LXIV курса), не держалъ, по болѣзни, устныхъ испытаній по тремъ предметамъ IV курса (догматическому и настырскому богословію и русской гражданской исторіи) и двумъ—предшествующихъ курсовъ (гомилетикѣ и психологіи); студентъ *Уаровъ Петръ* не держалъ, по той же причинѣ, устнаго испытанія по русской гражданской исторіи (не представилъ также и кандидатскаго сочиненія). Отъ того и другаго поступили въ Совѣтъ Академіи прошенія о разрѣшеніи имъ сдать означенныя испытанія послѣ лѣтнихъ каникулъ.

2) Студенты: *Архангельскій Владиміръ, Баржицкій Михайль, Благовѣщенскій Сергѣй, Воиновъ Сергѣй, Воскресенскій Василій, Вышеславова Дмитрій, Ковригинъ Михайль, Лимачевъ Василій, Мальгиновъ Борисъ, Пановъ Павелъ, Ржепикъ Миронъ, Рождественскій Евгеній, Рубинскій Сергѣй, Тепловъ Василій, Фаворитовъ Павелъ, Ягонтовъ Александръ и іеромонахъ Нифонтъ* (Ѳомиинъ) не представили кандидатскихъ сочиненій.

3) Изъ выдержавшихъ испытанія по всѣмъ предметамъ академическаго курса и представившимъ кандидатскія сочиненія—22 студента имѣютъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за весь курсъ баллъ не менѣе 4¹/₂, 18—не менѣе 4 и 5—не менѣе 3.

4) Поведеніе сорока пяти студентовъ IV курса за 1909-1910 учебный г. означено балломъ 5, пятнадцати—балломъ 5—, двухъ—балломъ 4+, одного балломъ 4 и одного—балломъ 4—.

б) Отзывы профессоръ и преподавателей Академіи о кандидатскихъ сочиненіяхъ 45-ти студентовъ IV (LXV) курса:

1) О сочиненіи студента *Александровскаго Василия* на тему: „Раскольничьи житія святыхъ XVII и XVIII вѣковъ, какъ литературный и историческій памятникъ“.

а) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Авторъ успѣлъ изучить житія слѣдующихъ дѣятелей старообрядства: протопопа Аввакума, Корнилія и Кирилла и дать нѣсколько замѣчаній о третьей редакціи житія Епифанія. Въ обширныхъ приложеніяхъ къ своему изслѣдованію (358 стр.) онъ помѣстилъ полностью слѣдующіе тексты: 1) житіе Корнилія, производная редакція по ркп. И. П. Б-ки Q. I. № 1062, 2) первичную редакцію того же житія по рукописи Императорской Публичной Библіотеки Q. I. 1081 съ вариантами изъ Q. I. № 1071,—3) житіе Епифанія третья редакція и 4) житіе Кирилла (оба по рукописи Q. I. № 1062 Императорской Публичной Библіотеки).

Ближайшая задача, принятая на себя г. Александровскимъ, выполнена успѣшно. Авторъ собираетъ списки мало изученныхъ житій, сличаетъ и распредѣляетъ ихъ по редакціямъ, тщательно изучаетъ текстъ и, приготовивъ такимъ образомъ свои источники, подвергаетъ ихъ литературному анализу и исторической критикѣ. Дѣло ведется съ большимъ умѣньемъ и тактомъ. Авторъ не жалѣетъ труда, чтобы изучить литературу по первоначальной исторіи старообрядства, исторіи Выговской пустыни, а также и разнообразные источники изъ указанной эпохи, напр. при исторической критикѣ житія Аввакума—акты о Даурской экспедиціи Пашкова, при критикѣ житія Неронова—всѣ матеріалы о немъ, напечатанные Субботинымъ. Но авторъ не ограничивается исторической критикой источниковъ и изученіемъ такъ сказать агіо-біографической техники; порой онъ обращается къ идейной сторонѣ своего источника и даетъ, напр., интересный очеркъ древне-русской демонологіи въ связи съ житіями Кирилла и Епифанія. Все это похвальные стороны труда.

Но есть въ немъ и пробѣлы. Нельзя сказать, чтобы, собирая списки изучаемыхъ памятниковъ, авторъ исчерпалъ ихъ. Укажу для примѣра списокъ вообще рѣдкаго житія Григо-

рія Неронова, оставшійся неизвѣстнымъ г. Александровскому—Увар. б—ки № 1139 (185), лл. 255 — 327 (начало рукописи занято житіемъ преп. Данила Переяславскаго, въ монастырѣ котораго игуменомъ скончался Нероновъ, гдѣ вѣроятно и написано житіе).—Въ общемъ авторъ оцѣниваетъ правильно свои источники. Но съ его оцѣнкой житія Корнилія нельзя согласиться. Первичную Пахоміеву редакцію онъ приравниваетъ къ черновымъ записямъ, „куда кратко заносились важнѣйшія событія изъ жизни подвижника и которыя служили основой для искусственныхъ житій“ (141). Но автору повидимому неизвѣстно, что черновыя записи не писались такъ стройно, какъ Пахоміево житіе Корнилія, а „искусственныя редакціи“ по большей части возникали вслѣдствіе отсутствія записей и недостатка фактическихъ свѣдѣній о подвижникѣ. Пахоміева редакція есть настоящее житіе, только она написана не житійнымъ стилемъ и слогомъ. Значеніе второй редакціи авторъ уменьшаетъ, противорѣча себѣ: „послѣ передѣлки житія изъ Корнилія получился шаблонный подвижникъ, который былъ созданъ житійной литературой къ началу XVII в. Въ этомъ шаблонѣ почти совершенно сгладились тѣ индивидуальныя черты, которыхъ такъ много въ первоначальной редакціи“ (145). Но авторъ нигдѣ не указываетъ, какія именно индивидуальныя черты Корнилія даетъ первая редакція и опускаетъ вторая, затѣмъ признаетъ нѣкоторыя частности второй редакціи цѣнными (172 и 184), что трудно согласить съ искусственностью этой редакціи.—Общія разсужденія автора о значеніи старообрядческихъ житій (на стр. 5) никакъ нельзя назвать удачными, а главное опредѣленными и значущими. Считаая самъ разсужденія эти апіорными, авторъ нисколько и не выясняетъ ими значенія своего источника. Между тѣмъ онъ могъ бы отчасти это сдѣлать, суммировавъ свои непосредственныя наблюденія надъ литературой и исторической цѣнностью изучаемаго имъ источника сравнительно съ другими извѣстными ему произведеніями старообрядческой письменности.—Языкъ сочиненія въ общемъ хорошъ — ясенъ, сжатъ и точенъ, но не всегда складенъ (стр. 6—7, 20, 74; „автожитіе“ 272—5).

Однако указанные пробѣлы труда съ избыткомъ покрываются тѣмъ, что это—работа по рукописямъ, и начинающій

авторъ обнаружилъ полное умѣнье обращаться съ ними Поэтому сочиненіе г. Александровскаго надо признать выдающейся кандидатской работой“.

б) Экстраординарнаго профессора *И. М. Громогласова*:

„Интересное по темѣ сочиненіе г. Александровскаго обладаетъ крупными достоинствами, дающими ему право на высокую оцѣнку въ качествѣ кандидатской диссертациі. Это — серьезный трудъ по первоисточникамъ, въ большинствѣ — рукописнымъ, выполненный умѣло и успѣшно, съ большимъ усердіемъ и немалымъ литературнымъ талантомъ. Какихъ-либо значительныхъ дефектовъ въ сочиненіи мною не замѣчено“.

2) О сочиненіи студента *Бабакова Александра* на тему: „Философія смерти“.

а) Ординарнаго профессора *А. И. Введенскаго*:

„Сочиненіе г. Бабакова производитъ, въ общемъ, довольно благоприятное впечатлѣніе, — особенно двумя свойствами: непритязательностью и тщательностью формально-литературной обработки. Взявъ для обсужденія трудный вопросъ, мало обследованный съ научно-философской точки зрѣнія, авторъ собралъ и внимательно проштудировалъ небогатую его литературу (французскую книгу Бурдо, нѣсколько журнальных статей въ философскихъ журналахъ, между прочимъ и французскихъ, монографіи Биша, Дюпреля, Мечникова и др.) и передалъ ихъ содержаніе, поскольку оно входило въ область его темы, въ спокойно-дѣловомъ изложеніи, никогда не теряя при этомъ изъ виду своей собственной точки зрѣнія, — *существенно-апологетической*. Послѣ довольно обширнаго введенія (стр. 1—28), въ которомъ авторъ говоритъ о важности вопроса и его современной постановкѣ, онъ выясняетъ въ первой главѣ (стр. 29—82) физиологію умиранія: затѣмъ, во второй главѣ (стр. 83—142), пытается дать отвѣтъ на вопросъ о томъ, что такое смерть съ объективной стороны, — есть ли она окончательное прекращеніе существованія, или лишь переходъ въ его новую форму; наконецъ, въ третьей и послѣдней главѣ (стр. 143—200) намѣчаетъ основныя черты психологіи умиранія, пытаясь уяснить смерть со

стороны субъективнаго отношенія къ ней самого умирающаго. Въ заключеніи (стр. 201 -- 218) авторъ высказываетъ нѣсколько соображеній относительно пространственно-временныхъ условій посмертнаго существованія и характера посмертной жизнедѣятельности. Конечно, въ сочиненіи много гадательнаго, такъ какъ область темы нашего автора есть область темная. Но не малая съ его стороны заслуга заключается уже въ томъ, что онъ критически расчищаетъ поле вопроса, отстраняя взгляды матеріалистическіе и пантеистическіе, противъ которыхъ во всѣхъ существенныхъ пунктахъ умѣетъ найти себѣ надежныхъ руководителей и союзниковъ. Вопреки матеріализму и пантеизму, онъ твердо стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что „смерть не можетъ быть уничтоженіемъ личности“ (стр. 142, тезисъ второй главы); что она есть лишь „разлученіе души отъ тѣла“,—какъ бы „обезтѣлесеніе души“ (стр. 200, тезисъ третьей главы); что для посмертнаго существованія не нужно искать особыхъ пространства и времени, такъ какъ душа, по своей метафизической сущности, сверхвременна и сверхпространственна; что въ эти сверхвременныя и сверхпространственныя сферы мы унесемъ съ собою, по разлученіи съ тѣломъ, не угасающій, но разгорающійся разумъ, равно какъ и память, не знающую забвенія и границъ и т. д. Сочиненіе съ начала и до конца читается съ интересомъ.—Нахожу возможнымъ, въ виду изложеннаго, признать трудъ г. Бабакова достойнымъ степени кандидата богословія“.

б) Ординарнаго профессора *С. С. Глаголева*:

„Философствовать о смерти можно, лишь вѣря въ безсмертіе. Г. Бабаковъ не формулируетъ такъ основнаго тезиса своего сочиненія, но все оно сводится къ его обоснованію. Онъ ищетъ опоръ для своего взгляда въ произведеніяхъ изящной литературы и въ сочиненіяхъ философовъ, онъ разбираетъ и противниковъ своего взгляда и стремится на критическомъ разборѣ ихъ возраженій еще болѣе утвердить свой тезисъ. Чтеніе его сочиненія можетъ, пожалуй, доставить наслажденіе подобное тому, которое испытывали нѣкоторые, готовившіеся къ смерти, при чтеніи „Федона“ Платона.

Но это завидное свойство сочиненія не обуславливается самостоятельнымъ творчествомъ автора. Въ сочиненіи слиш-

комъ много выписокъ и порою очень длинныхъ изъ различныхъ мыслителей и поэтовъ. Здѣсь имѣется достаточно и изъ Метерлинка и изъ Амiéля. Такимъ образомъ, г. Бабаковъ является не творцомъ, а передатчикомъ чужихъ мыслей. Однако въ заслугу ему нужно поставить во 1) выборъ прочитанныхъ имъ писателей, во 2) умѣнье утилизировать ихъ произведенія для своей цѣли. Авторъ компилятивенъ, но компиляціи бывають различной цѣнности; хорошо компилировать въ сущности можетъ лишь тотъ, кто способенъ къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ, и произведеніе нашего автора обнаруживаетъ способность къ таковымъ.

Къ недостаткамъ сочиненія г. Бабакова нужно отнести то, что онъ смѣшиваетъ, какъ равноцѣнные, примѣры вымышленные и примѣры взятые изъ дѣйствительной жизни. Такъ, говоря о состояніи умирающихъ, онъ одинаково апеллируетъ и къ героямъ „войны и мира“ и къ описаніямъ очевидцевъ.

Замѣчается у автора и недостатокъ критичности. И описанія очевидцевъ должны быть принимаемы *cum grano salis*. И показанія свидѣтелей при безусловной правдивости свидѣтелей иногда оказываются неточными и невѣрными. Это по отношенію къ фактамъ. Тѣмъ болѣе должно быть осторожнымъ по отношенію къ теоріямъ. Эта осторожность и критичность были бы нелишними для г. Бабакова при изложеніи имъ физиологическихъ теорій смерти. Конечно, въ области физиологій онъ не могъ выступить въ качествѣ самостоятельнаго изслѣдователя, но онъ могъ бы тщательно обсудить вопросъ: имѣетъ ли физиологія въ своемъ распоряженіи достаточно данныхъ для утвержденія, что существуетъ естественная смерть?

Но во всякомъ случаѣ г. Бабаковъ поработалъ достаточно и для полученія степени кандидата сочиненіе его должно быть признано удовлетворительнымъ“.

3) О сочиненіи студента *священника Баронова Николая* на тему: „Культурное состояніе евреевъ во времена Христа Спасителя“.

а) Исправляющаго должность доцента *священника Евгенія Воронцова*:

„Сочиненіе о. Баронова должно было бы по темѣ охватить всю культуру іудейскаго народа во времена Христа Спаси-

теля, однако въ предисловіи своего труда о Бароновъ пытается провести границы между различными видами культуры, отмѣчая черты культуры матеріальной (жилище, одежда, орудія быта, оружіе, украшенія и т. п.), духовной (языкъ, обычаи, нравы, вѣрованія, ученія, литература) и общественной (государственныя и социальныя формы быта, законы и т. п.), и заявляетъ, что будетъ обозрѣвать явленія, связанныя съ культурою духовною; его исключительная задача—характеризовать религиозное, умственное и нравственное состояніе еврейскаго народа въ эпоху, современную Божественному Основателю христіанской религіи (стр. 9). Насколько легко было создать рубрики въ предисловіи, очертить различныя стороны культуры точными предѣлами, настолько это оказалось труднымъ въ самомъ сочиненіи. О. Бароновъ вводитъ въ работу отдѣлы, безусловно гетерогенные, если слѣдовать *κατ' ἀρχαίαιαν* его подраздѣленіямъ культурныхъ явленій. Въ предпосылаемомъ основной части сочиненія очеркѣ по этнографіи Іудеи и Галилеи авторъ занимается храмомъ въ Іерусалимѣ, какъ постройкою (элементъ архитектуроники, eo ipso культуры матеріальной), на 63 стр. своей работы говоритъ о кухонной посудѣ и т. п., но особенно часто авторъ впадаетъ въ область общественной культуры (его третья рубрика, у нѣмцевъ *Staatsalterthümer*), напри- мѣръ, онъ вводитъ отдѣлы о правительствѣ и объ аристократіи въ Палестинѣ въ подлежащее его наблюденію время, о синедрионѣ, его организациі и функционированіи (государственный институтъ съ теократической точки зрѣнія, во всякомъ случаѣ социальное учрежденіе), о фарисеяхъ и саддукеяхъ, какъ общественныхъ руководителяхъ и т. п. Къ собственно духовной культурѣ о. Бароновъ обращается во второй половинѣ своего изслѣдованія (Отдѣлы: Мессіанскія ожиданія, іудеи въ разсѣянніи, Филонъ, іудейская литература), и справедливость заставляетъ сказать, что это дѣйствительно наилучшая часть всего сочиненія, какъ по сравнительной обработкѣ языка, такъ и по количеству—особенно качеству свѣдѣній, не превратившихся пока въ *loci communes* рѣчей о Палестинѣ и діаспорѣ того времени. Какъ видно, сочиненіе о. Баронова эклектично по составу и представляетъ спайку разнородныхъ матеріаловъ: въ сочиненіи всего намѣчены авторомъ 14 отдѣловъ, не считая предисловія и заключенія,

но эти отдѣлы скорѣе самостоятельные экскурсы, объединенные въ сочиненіи лишь общностью задачи автора говорить объ іудеяхъ времени Христа Спасителя, такъ является, на примѣръ, отдѣлъ объ ессеяхъ, хотя они столь же мало привнесли въ сокровищницу древне-іудейской культуры, какъ и рехавиты временъ пророка Іереміи. Изъ частныхъ lapsus сочиненія укажемъ на замѣчаніе о безчисленныхъ дарахъ, собранныхъ вокругъ Іерусалимскаго храма (стр. 13), на упоминаніе о свидѣтельствѣ 2 Паралипоменонъ 35, 10—15 касательно жертвенной обрядности во времена Христа (въ 2 Паралипоменонъ, разумѣется, рѣчь идетъ о ветхозавѣтныхъ временахъ, именно о времени Іосіи); по автору Іерусалимъ былъ ареною *диспутовъ* и ученыхъ *школъ*, однако подобные термины скорѣе относимы не къ временамъ Христа Спасителя, а къ эпохѣ послѣ вторичнаго паденія Іерусалима, когда не въ іудейской разрушенной столицѣ, но вообще въ Палестинѣ народились ученія гетеріи (хабуротъ); на стр. 20 авторъ предполагаетъ знакомство Іосифа Флавія съ книгою Юбилеевъ, каковую ставитъ почему-то въ связь съ синагогальнымъ дерашемъ. Изреченіе Притчей 1, 20—21: „Премудрость говоритъ на улицѣ“ авторъ относитъ вѣ какого-либо *raison d'être* къ синагогѣ и ея ученію (стр. 119). Въ представленіи о Баронова школа (іешива) и синагога чуть-ли не тождественныя культурныя явленія. При рѣчи о раввиническомъ экзегезисѣ авторъ говоритъ о наклонности еврейскихъ учителей закона отыскивать пневматическій смыслъ въ Писаніи, каковыя изысканія ставитъ въ связь съ каббалою (стр. 197), что весьма сомнительно, и вообще весь отдѣлъ о тайномъ ученіи раввиновъ (*disciplina arcana*) не имѣетъ большого значенія при необходимости для автора имѣть дѣло по преимуществу съ Палестинскимъ еврействомъ, у котораго въ опытахъ письменности нѣтъ слѣдовъ ни криптограммы (нотариконъ, атбашъ), ни ариенограммы (гемагрія), ни анаграммы (ссылка на Апокалипсисъ, гдѣ стоитъ въ 16, 16 Армагеддонъ, какъ будто бы анаграмма реченія *Roma haggedola*, слишкомъ искусственна, при наличности скорѣе типическаго указанія на историческую битву при Мегиддонѣ). Въ отдѣлѣ объ ессеяхъ авторъ говоритъ, что они не употребляли мяса, подражая функціонирующимъ священникамъ, но послѣдніе потребляли мясо жертвъ (стр. 291). На 413 стр.

Палестинскимъ іудеямъ приписано злословіе прозелитовъ на нѣмецкомъ языкѣ,—авторъ видимо безъ мѣры увлекся иностраннымъ пособіемъ. Однако подобные lapsus, какъ мелкіе промахи, не мѣшаютъ работѣ о Баронова быть достаточнымъ кандидатскимъ разсужденіемъ“.

б) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Исходнымъ пунктомъ кандидатской работы священника, студента Николая Баронова служить условное дѣленіе культуры на три вида: на культуру матеріальную (жилище, одежды, орудія, вооруженіе и т. п.), духовную (языкъ, обычаи, нравы, вѣрованія, знанія, литература) и общественную (государственныя и общественныя формы жизни, законы и пр. стр. 8). Цѣлю своего сочиненія онъ ставитъ „изложеніе исключительно духовной культуры“ (стр. 9). Но это недостаточно мотивированное и по существу дѣла невозможное выдѣленіе для кандидатской работы одной духовной культуры внѣ связи ея съ матеріальною и общественною могло только *предположительно* опредѣлить характеръ работы студента-священника Николая Баронова. На дѣлѣ же онъ очень часто говоритъ и о нравахъ и объ обычаяхъ жизни евреевъ—современниковъ Христа Спасителя, о топографіи Палестины, о политическомъ состояніи евреевъ и т. п. Такимъ образомъ, намѣтивъ себѣ опредѣленный планъ работы, авторъ не выдерживаетъ и не могъ, конечно, выдержать его въ своемъ сочиненіи. И его оговорка въ предисловіи, что онъ будетъ „излагать исключительно духовную культуру“ въ существѣ дѣла была нужна ему для того, чтобы по своему усмотрѣнію говорить объ однѣхъ сторонахъ жизни евреевъ „бѣгло“, а о другихъ болѣе обстоятельно. А поэтому излишнее вниманіе автора къ нѣкоторымъ явленіямъ въ жизни евреевъ и поверхностное отношеніе—къ другимъ, не менѣе существеннымъ, составляетъ общій недостатокъ кандидатской работы студента-священника Баронова, чѣмъ, разумѣется, понижается и ея достоинство.

Далѣе, взявъ тему о культурномъ состояніи Евреевъ во времена Христа Спасителя, о Бароновъ въ оглавленіи намѣчаетъ, напримѣръ, рядъ такихъ подзаголовковъ: Іудея и Галилея. Эллинизмъ въ Палестинѣ. Правительство и аристократія. Саддукеи и фарисеи. Ессеи. Іудеи въ разсѣяніи.

Филоновъ и т. п. Каждый изъ этихъ подзаголовковъ могъ быть самъ по себѣ темой для отдѣльной кандидатской работы. Понятно, что при такомъ расчлененіи своей темы авторъ бралъ на себя непосильную задачу говорить о такихъ явленіяхъ, о которыхъ уже существуютъ спеціальныя монографіи. А онъ, между тѣмъ, трактуетъ въ своемъ сочиненіи о самыхъ этихъ явленіяхъ (напр. о эссеяхъ) и, какъ и надо было ожидать, недостаточно основательно.

Въ частности, въ авторѣ замѣтно стремленіе къ фразѣ (напр. стр. 14, 19, 21, 25, 26, 35, 37, 121, 337 и др.) Кое гдѣ въ сочиненіи его видны противорѣчивыя и сбивчивыя мысли (стр. 546—548).

Но чувствуется, что если бы авторъ болѣе продумалъ планъ своей работы, не касался того, что прямо не входило въ его задачу, и остановилъ бы свое вниманіе только на томъ, что должно было интересовать его ближайшимъ образомъ, то онъ съ особымъ успѣхомъ выполнилъ бы свою работу, тѣмъ болѣе, что онъ располагалъ достаточнымъ количествомъ проработанныхъ имъ пособій.

Если же въ работѣ священника--студента Николая Баронова нѣтъ этого особаго успѣха, то все же работа его можетъ быть признана удовлетворительною для полученія степени кандидата богословія, такъ какъ авторъ достаточно ознакомился съ жизнію евреевъ во времена Христа Спасителя и на основаніи прилежно изученныхъ имъ пособій уяснилъ себѣ общее настроеніе среды, предавшей на пропятіе своего Спасителя“.

4) О сочиненіи студента *Бжляева Михаила* на тему: „Апокрифическіе элементы въ народной русской словесности“.

а) Исправляющаго должность доцента *Н. Л. Туницкаго*:

„Покойный А. Н. Веселовскій часто говорилъ о суггестивности художественныхъ образовъ. Если можно примѣнить понятіе суггестивности къ великимъ научнымъ системамъ и трудамъ, то научное творчество А. Н. Веселовскаго должно быть признано суггестивнымъ по преимуществу: подъ его живымъ вліяніемъ разрослась цѣлая школа ученыхъ труженниковъ, изслѣдующихъ сравнительнымъ методомъ русскую литературу и народную словесность.“

На прекрасномъ сочиненіи г. Бѣляева можно наблюдать, какъ плодотворно этимъ могущественнымъ научнымъ движеніемъ возбужденъ и направленъ молодой талантъ автора. Г. Бѣляевъ вдохновленъ Веселовскимъ, весь проникся его взглядами на процессъ литературнаго развитія, орудуетъ его методомъ, даже его стиль сложился подъ влияніемъ живой и мѣткой фразеологии великаго ученаго. Рядомъ съ Веселовскимъ передъ нимъ стоитъ лишь Потебня, оригинальные взгляды котораго на развитіе словесности авторъ мастерски связалъ съ системой Веселовскаго.

Взятая г. Бѣляевымъ тема была разсчитана и на болѣе узкія рамки выполненія, и на болѣе скромные размѣры труда. Ею требовалось простое сличеніе русской народной словесности съ апокрифической литературой въ интересахъ соотвѣтствующихъ обобщеній. Но авторъ не пожелалъ воспользоваться ни народной словесностью, ни апокрифической литературой, какъ готовыми данными для сопоставленія. Онъ предварительно, на основаніи всесторонняго изученія взглядовъ Веселовскаго и Потебни, представилъ цѣлостную картину развитія словеснаго творчества и уяснилъ историческія и психологическія основы перехода апокрифа въ народную словесность. Это составило первую (вводную) главу сочиненія. Въ послѣдующихъ главахъ авторъ вскрываетъ апокрифическіе сюжеты въ стихѣ о Голубиной книгѣ (2 гл.), производитъ любопытныя сближенія апокрифовъ съ заговорами и другими видами народнаго творчества на основѣ „закона прототиповъ“ (3 гл.), разсматриваетъ самыя „прототипы міра“ (4 гл.), устанавливаетъ, цѣлымъ рядомъ широкихъ сравненій, зависимость народной словесности отъ апокрифовъ въ сказаніяхъ о посѣщеніи неба (5 гл.), въ легендахъ о міротвореніи (6 гл.), въ мотивахъ міровой борьбы Бога и сатаны (7 гл.). Такимъ образомъ, въ этомъ обширномъ сочиненіи (65 лл. убористаго письма) къ процессу сравненія привлечена почти вся апокрифическая и народная словесность, при чемъ всѣ сличенія представлены въ строго-систематизированномъ видѣ и снабжены массой попутныхъ экскурсовъ въ область соприкасающихся сюжетовъ у разныхъ народовъ.

И въ цѣломъ, и въ частностяхъ сочиненіе г. Бѣляева производитъ впечатлѣніе труда выдающагося среди обычныхъ студенческихъ работъ. За нимъ скрывается рѣдкая для сту-

дента эрудиція, основательное обладаніе научными методами изслѣдованія, живой талантъ и трудолюбіе. Авторъ не только приобрѣлъ большую начитанность въ области научной сравнительной литературы, но его тяготѣніе von Buch zu Buch, von Blatt zu Blatt, руководимое вѣрнымъ научнымъ инстинктомъ, привело его къ установленію довольно интересныхъ соотвѣтствій въ апокрифической и народной словесности и натолкнуло на обобщенія иногда довольно крупнаго масштаба. Разумѣется, его сличенія и выводы въ нѣкоторыхъ случаяхъ подсказаны ему Веселовскимъ и друг. авторитетными изслѣдователями, но въ большинствѣ случаевъ они создаются самостоятельно на основаніи самостоятельныхъ же наблюденій. Поэтому нѣкоторые отдѣлы сочиненія представляютъ собою новизною содержанія такую положительную цѣнность, которая не только оправдала бы появленіе ихъ въ печати, но и, несомнѣнно, обратила бы на себя серьезное вниманіе специалистовъ. Къ числу такихъ отдѣловъ относится, напр., тотъ, гдѣ рѣчь идетъ о связи стиха о Голубиной книгѣ съ апокрифическимъ Откровеніемъ Эноха, или тотъ, гдѣ впервые вскрываются въ значительныхъ подробностяхъ апокрифическія основы заговоровъ.

Слабую сторону сочиненія составляютъ слѣдующія его свойства. 1) По мѣстамъ изложеніе слишкомъ растянато излишними экскурсами въ область различныхъ литературныхъ параллелей, ничего не уясняющими и лишь осложняющими дѣло; съ излишней подробностью останавливается также авторъ на изложеніи взглядовъ Веселовскаго 2) По мѣстамъ онъ слишкомъ много значенія придаетъ миеологическимъ объясненіямъ. 3) Иногда его покидаетъ чувство мѣры при орудованіи сравнительнымъ методомъ, и онъ допускаетъ слишкомъ произвольныя сближенія, выводя, напр., „сказочные теремы“ изъ мотива „дома Божія“ (стр. 221). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ ищетъ источники народныхъ сюжетовъ въ апокрифической литературѣ тогда, когда ихъ естественнѣе возвести непосредственно къ св. Писанію; изъ многочисленныхъ такихъ случаевъ достаточно указать на мотивъ узкаго и широкаго пути (стр. 219), на сказаніе о борьбѣ діавола съ Михаиломъ (стр. 259) и др. 4) Вслѣдствіе обширности труда въ перепискѣ вкралось немало описокъ, особенно досадныхъ въ греч. текстѣ.

Всѣ эти недостатки, какъ происшедшіе вслѣдствіе естественнаго увлеченія въ сущности правильно понятыми и усвоенными научными методами, или какъ касающіеся только переписки, нисколько не ослабляютъ общаго въ высшей степени благопріятнаго впечатлѣнія отъ сочиненія. Оно не только даетъ автору полное право на получение кандидатской степени, но заслуживаетъ нарочитой похвалы и одобренія“.

б) Экстраординарнаго профессора *С. И. Соболевскаго*:

„Сочиненіе это написано тщательно; видно знаніе дѣла и знакомство съ литературой предмета. Изъ недостатковъ его можно отмѣтить 1) нѣкоторую растянутость его въ иныхъ мѣстахъ, 2) нѣсколько орфографическихъ ошибокъ (хотя, по-видимому, большая часть его переписана кѣмъ-то другимъ, а не самимъ авторомъ), 3) неумѣнье правильно писать (вѣрнѣе, списывать) греческія и латинскія слова: такъ, на стр 81 какое-то *votos* (вѣроятно, вмѣсто *ut mos*), *ecscerpit*, *profettac* (вм. *prophetac*); на стр. 219—*eutractum* (вѣроятно вм. *exstructum*), *terre* (?), на стр. 220 *raebabat* (вм. *praebabat*), *praine* (?); на стр. 214 *об* (= *οβ*), *ει* (= *εις*), *εσιν* (= *εστιν*), *κυκλω* (= *κύκλω*), *γῆν* (= *γῆν*), *ετιν* (= *εστιν*); на стр. 216 *βίτρωεε* (вм. *βότρωεε*?) и др.; о пропускахъ удареній и говорить нечего.

Несмотря на эти недостатки, въ виду большихъ достоинствъ сочиненія со стороны содержанія, нахожу возможнымъ оцѣнить его балломъ пять“.

5) О сочиненіи студента *Ватурина Михаила* на тему: „Ученіе Апостола Павла о спасеніи Израиля (толкованіе XI главы посланія къ Римлянамъ)“.

а) Заслуженнаго ординарнаго профессора *М. Д. Муретова*:

„Кратко указавъ связь данной главы съ 9-ю и 10-ю (на стр. 1—9) и изложивъ общее ея содержаніе (на стр. 9—12), авторъ даетъ потомъ подробное толкованіе ея, при чемъ дѣлитъ главу, соотвѣтственно ея содержанію: на *два части*, изъ коихъ въ *первой* (ст. 1—10) Апостоломъ изображается современное ему и доднесь продолжающееся невѣріе Израиля во Христа (стр. 12—95), а во *второй* (ст. 11—32) говорится о будущемъ его обращеніи ко Христу и спасеніи (стр. 95—

288),—и на *заключеніе* (ст. 33—36), гдѣ содержится ученіе о непостижимости для человѣка плановъ божественнаго промышленія (ст. 33—35) и дается обще-теологическое основаніе (ст. 36) этого ученія (стр. 288—306). Въ концѣ приложенъ указатель литературы, коею пользовался авторъ при составленіи своего труда (стр. 307—311).

Въ качествѣ *недостатковъ* сочиненія укажу сначала нѣкоторыя *частности*:

Авторъ настойчиво утверждаетъ, что посланіе къ Римлянамъ назначалось исключительно для христіанъ изъ язычниковъ (напр. 191 стр. и др.), чему однакожъ не соотвѣтствуетъ общій характеръ посланія. На стр. 180 неясно разсужденіе автора объ употребленіи въ 22-мъ стихѣ терминовъ *χερσοτότητα καὶ ἀλοτοίαν θεοῦ*—безъ члена. На стр. 209 утверждается, что во время Антихриста именно „Израиль явится ревностнымъ защитникомъ церкви Христовой“. Въ филологическихъ датахъ авторъ обычно ограничивается ссылками на комментаріи, между тѣмъ какъ отъ такой узко-спеціальной работы законно требовать справокъ изъ первоисточниковъ или, по меньшей мѣрѣ, изъ филологическихъ авторитетовъ (ср. стр. 65, 110, 129, 151, 200). Нельзя одобрить и такого, напримѣръ, порядка именъ въ цитатахъ: „Златоустъ, Ефремъ Сиринъ, также Теофилактъ, Θεοδορίτῃ, Икумениї“ (стр. 222 и др.),—или: „Weiss, Cornely, Godet, De-Wette др.“ (стр. 109 др.). Ветхій Завѣтъ цитруется по неимѣющему теперь научнаго значенія изданію Тишендорфа. Вообще экзегесъ ветхозавѣтныхъ мѣстъ слабоватъ. Наконецъ стиль сочиненія не всегда обработанъ, часто неуклюжъ, тягучъ, полонъ ненужныхъ повтореній, а иногда даже и съ оставленными безъ исправленія описками.

Въ сочиненіи есть и *недостатки общаго характера*:

а) Авторъ не вдается въ ближайшее изложеніе идеологій спасенія у Ап. Павла вообще и въ посланіи къ Римлянамъ въ частности, какъ и въ раскрытіе отношенія къ ней ученія Апостола о спасеніи Израиля въ данной главѣ,—вообще остается не уясненнымъ значеніе и положеніе Израиля въ новозавѣтной исторіи спасенія людей и не раскрыта тѣсная связь между „τὸ πλῆρωμα τῶν ἐθνῶν εἰσέλθῃ“ и „πᾶς Ἰσραὴλ σῶσεται“.

б) Въ объясненіи ст. 16—24 („начатокъ“ и „цѣлое“ или

все „тѣсто“,—„корень“ и „вѣтви“, „дикая“ и „хорошая“ т. е. культивированная „маслина“,—„прививка“) авторъ стоитъ на поверхности внѣшняго смысла этихъ образовъ и сравненій, не углубляясь въ ихъ внутреннюю и существенную сторону. Благодаря этому остаются невыясненными: какъ необходимость обращенія Израиля (авторъ уяснилъ только моральную возможность, но не идейно-богословскую необходимость этого обращенія въ планѣ божественнаго промышленія) въ дѣлѣ спасенія міра и для „полноты его богатства“,—такъ и разсужденія Апостола о „святости цѣлаго (тѣста) при святости начатка“, о „паденіи или оскуденіи Израиля для обогащенія язычниковъ“, о „возбужденіи въ Израилѣ ревности къ вѣрѣ и спасенію чрезъ обращеніе и спасеніе язычниковъ“,—объ „отверженіи Израиля какъ примиреніи міра и принятіи его какъ жизни изъ мертвыхъ“. Вѣдь здѣсь, въ 16—26 стихахъ этой главы, какъ и въ разсужденіи о возстаніи тѣла духовнаго изъ умершаго тѣла душевнаго чрезъ сравненіе съ посѣяннымъ въ землю зерномъ въ 15-й главѣ 1 посланія къ Коринѣянамъ,—Апостоль высказываетъ одну изъ „великихъ тайнъ благочестія“ (*μυστήριον*—ст. 25 ср. 1 Кор. 15, 51 и 1 Тим. 3, 16,—Ефес. 5, 32,—2 Θεσσαλ. 2, 7 др.), тайну всякаго жизненнаго процесса (біологическую) вообще. исторіи въ частности, религіозной—въ особенности.

в) Вообще авторъ не углубляется въ ближайшее изслѣдованіе богословско-идеологической стороны толкуемой главы, въ подробное уясненіе понятій благодати, вѣры, дѣла, спасенія, предвѣдѣнія.

г) Не принята во вниманіе параллель толкуемой главѣ особенно словамъ „*πᾶς Ἰσραὴλ σωθήσεται*“ ст. 26—въ изреченіи Спасителя у Матѳ. 23, 38—39: *ἰδοὺ ἀφίεται ἐμὴν ὁ οὐρανὸς ἐπιθῶν ἐρημὸς. Λέγω γάρ ἐμὴν, οὐ μὴ με ἴδητε ἀπ' ἔσθι ἕως ἄν ἐλθῆτε εὐλογημένοι ὁ ἐρχόμενος ἐν ὀνόματι Κυρίου*“,—и не разъяснена другая важная параллель словамъ „*ἄχρι οὗ τὸ πλῆθος τῶν ἐθνῶν εἰσέλθῃ*“ ст. 25 въ другомъ изреченіи Спасителя у Лук. 21, 24: *ἄχρι οὗ πληρωθῶσιν καιροὶ ἐθνῶν*“

д) При изъясненіи какъ ветхозавѣтно-пророческихъ предсказаній, такъ и созерцаній Ап. Павла и вообще Новаго Завѣта, относящихся ко второму явленію Спасителя, за предѣлами богословско-экзегетическаго горизонта автора осталась возможность представлять это явленіе, какъ продолжитель-

ную историческую эпоху, когда съ одной стороны можетъ совершиться и пришествіе Антихриста съ такимъ проявленіемъ грѣха (2 Тессал. 2. 3—12) и беззаконія, что „Сынъ Человѣческій, придетъ, найдетъ ли вѣру на землѣ?“ (Лук. 18, 8),—а съ другой стороны—и „полнота язычниковъ войдетъ и весь Израиль спасется“ (Римл. 11, 25—26).

е) Можно бы, наконецъ, пожелать отъ автора, въ цѣляхъ болѣе всесторонняго уясненія оригинальности и богодухновенности сотеріологіи Ап. Павла, ближайшаго сравненія ея съ іудейско-раввинскою и даже, хотя бы отчасти, съ языческою.

Въ полное оправданіе автора надо указать на то, что недостатки перваго класса имѣютъ характеръ совершенно частный, случайный, по отношенію къ цѣлой работѣ какъ бы наносный и легко устранимый. А недостатки втораго рода суть неизбѣжность, обусловленная малымъ срокомъ работы съ одной стороны и самимъ предметомъ ея, стоящимъ въ тѣсной связи со всею вѣроучительною системою Ап. Павла, даже всего Новаго Завѣта и всей Библии—съ другой. Притомъ этотъ недостатокъ присущъ не только труду автора, но и всѣмъ его новѣйшимъ иностраннымъ руководителямъ, какъ и древне-церковный экзегетъ не ставилъ своею задачею ближайшее уясненіе вѣроучительной системы Ап. Павла.

Но если рецензентъ не имѣетъ никакого права къ годовой кандидатской работѣ предъявлять такого распространительнаго толкованія темы и долженъ брать ее только въ предѣлахъ послѣдовательно-пословнаго толкованія данной главы при наличіи бывшихъ у автора научныхъ средствъ, то, при такомъ ограниченіи задачи, трудъ г. Ватутина представляетъ намъ рядъ весьма крупныхъ достоинствъ, именно:

1) Авторъ весьма умѣло разбирается иногда въ трудностяхъ новозавѣтной текстологіи и филологіи, напр., при опредѣленіи активнаго и пассивнаго смысла слова *ἐχθρός* (стр. 226), въ различеніи терминовъ *παῖς* и *πῖπτερ* (стр. 105) и др. под.

2) Авторъ тщательно изучилъ и искусно использовалъ какъ новѣйшіе иностранные труды по толкованію данной главы (De-Wette, Schaefer, Godet, Meyer-Weiss, Schneider, Conely, Sanday and Headlam, Dahmer,—жаль, что автору остался

неизвѣстнымъ комментарий Hofmann'a, и отчасти также — Holtzmann'a), такъ и общія пособія—теологическое (Cremer, Bibl.—Theol. Wtb,—другія пособія обще-теологическаго характера авторомъ не изучены) и филологическія (Schirlitz'a Gr.—Deut. Wtb. zum N. T,—Winer'a Gram. въ обработкѣ Schmiedel'я и Lünemann'a, Bruder'a Concordantia и др.).

3) Но главною заслугою автора должно признать тщательное изученіе имъ и обильное пользованіе древне-церковною экзегетическою литературою, частію въ подлинникахъ, а частію въ переводахъ на русскій: Оригеномъ, Ефремомъ Сирийскимъ, Златоустомъ, Кирилломъ Александрийскимъ, Теодоромъ Мопсуестскимъ, Теодоритомъ, Іоанномъ Дамаскинымъ, Фотіемъ-Икумениемъ, Теофилактомъ и Катенами Крамера (Евѣимій Зигабенъ остался автору неизвѣстенъ),—изъ латинскихъ: Иеронимомъ-Пелагіемъ, Амвросіастомъ, Гиларіемъ, Примазіемъ, Кассіодоромъ, Седуліемъ Скоттомъ. Сюда же надо присоединить и трудъ еп. Теофана, наполненный многочисленными выдержками изъ древне-церковныхъ толкованій и обилующій превосходными образцами нравственно-религіознаго истолкованія текста посланій Ап. Павла въ духѣ святоотеческаго экзегеса.

4) Наконецъ цѣльность и законченность сочиненія, строго православное направленіе, ясность разсужденій и дѣловитая краткость и простота изложенія, дѣлающая мало замѣтными вышеуказанные частные дефекты стилистики автора.

Всѣ эти достоинства даютъ основаніе признать трудъ автора не только вполне удовлетворительнымъ для кандидатской степени, но и заслуживающимъ одобренія“.

б) Ординарнаго профессора *М. М. Гартева*:

„Сочиненіе г. Ватутина свидѣтельствуетъ о крайней литературной неопытности автора. Онъ пишетъ: „Больше этихъ обвиненій нельзя было сказать ничего—это значитъ Израильтяне впади не только въ совершенное нечестіе, но даже возстали противъ Іеговы“ (стр. 31). Или: „Господь этимъ числомъ хотѣлъ показать, что истинныхъ поклонниковъ Его еще много, которые не преклонили колѣна предъ Вааломъ“ (37). „Въ данномъ мѣстѣ примиреніе міра не означаетъ, конечно, этого примиренія, какъ совершившагося факта, но указываетъ только на новое отношеніе Бога къ міру“ (127).

„Выраженіе *εισέλθῃ* — войдетъ, вступить въ вѣру Христову, какъ выражается Икуменій, выражаетъ не только возможность, а какъ несомнѣнный будущій фактъ“ (202). „То, что говорится, Самъ Богъ заключилъ ихъ въ непослушаніе, не значитъ, что Самъ Богъ непосредственно предалъ ихъ этому непослушанію“ (259—260). „Закончивъ свое разсужденіе, апостоль не оканчиваетъ свою рѣчь“ (288). И на такомъ-то языкѣ изложена вся работа г. Ватутина. Впрочемъ, онъ внимательно изучилъ указанную у него литературу предмета. Въ особенную похвалу ему слѣдуетъ поставить вполнѣ православный образъ мыслей. Степени кандидата богословія заслуживаетъ“.

6) О сочиненіи студента *Волкова Андрея* на тему: „Монашескіе идеалы святыхъ отцовъ церкви IV и V вв.“ (восточное монашество).

а) Экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*

„Задача автора была чисто-исторической. Ему слѣдовало прочесть возможно большее количество аскетическихъ произведеній IV и V вв. и, тщательно изучивъ ихъ, выяснить для себя монашескій идеалъ различныхъ писателей, а затѣмъ сравнить добытый такимъ образомъ матеріалъ и попытаться отвѣтить на вопросъ, былъ ли монашескій идеалъ отцовъ Церкви IV и V вв. единообразнымъ или же въ немъ замѣчается нѣкоторое движеніе и разнообразіе въ зависимости отъ времени и мѣста ихъ жизни и дѣятельности. Авторъ выполнилъ свою задачу далеко не безукоризненно.

Прежде всего онъ совершенно напрасно внесъ въ свою чисто историческую работу элементъ современности. Такъ въ IV гл. второй части, озаглавленной Монашество и іерархія, онъ не только выясняетъ взгляды отцовъ церкви IV и V вв. на совмѣстимость монашескаго подвига съ служеніемъ церкви въ санѣ епископа, что, конечно, входило въ его задачу, но и подвергаетъ подробному разбору сочиненіе Іоанна, еп. Смоленскаго О монашествѣ епископовъ. Такъ какъ преосв. Іоаннъ пользуется матеріалами, далеко выходящими

за предѣлы IV и V вѣковъ, то нашъ авторъ, слѣдуя за нимъ, не только нарушаетъ историческій характеръ своей работы, но и переступаетъ за границы, поставленныя ему темой. Такимъ же характеромъ отличается и заключеніе, въ которомъ слишкомъ много мѣста удѣляется критикѣ современнаго монашества, съ точки зрѣнія впечатлѣнія, произведеннаго на автора чтеніемъ древнихъ аскетическихъ произведеній. Такимъ образомъ, всѣ эти экскурсіи въ область современныхъ церковныхъ отношеній и быта являются совершенно излишними.

Отцы церкви въ большинствѣ случаевъ не писали систематическихъ трудовъ по аскетикѣ, поэтому на страницахъ ихъ произведеній идеи центральныя и основныя стоятъ рядомъ съ выводными и второстепенными. Исслѣдователь ихъ воззрѣній долженъ открыть присущую этимъ воззрѣніямъ внутреннюю систему, выдвинувъ при изложеніи на первый планъ основныя идеи и вокругъ нихъ въ порядкѣ постепенной зависимости распредѣливъ все то, что ими обусловлено. Трудъ автора совершенно не удовлетворяетъ этому требованію. Отсутствие системы въ цѣломъ и частностяхъ составляетъ одинъ изъ крупнѣйшихъ недостатковъ сочиненія. Иногда трудно бываетъ понять, въ какомъ порядкѣ укладываются въ головѣ автора тѣ отрывочныя положенія, которыя безъ видимой связи слѣдуютъ одно за другимъ на большинствѣ страницъ его работы. Отсутствие же опредѣленнаго плана и системы въ изложеніи естественно ведетъ къ многочисленнымъ повтореніямъ одной и той же мысли въ различныхъ формахъ.

Выясненіе взаимнаго отношенія аскетическихъ воззрѣній различныхъ отцовъ церкви также не могло быть удовлетворительнымъ въ сочиненіи автора вслѣдствіе того, что у него недостаетъ яснаго сознанія ихъ хронологической послѣдовательности и распредѣленія по странамъ. Первымъ представителемъ и учителемъ монашества въ церковной литературѣ авторъ, дурно понявъ нѣкоторыя выраженія моей брошюры о преп. Макаріи Египетскомъ, считаетъ именно этого подвижника (стр. 60). *Vita Antonii* онъ ставитъ уже на второмъ мѣстѣ и при этомъ не имѣетъ яснаго представленія о томъ, что должно быть отнесено въ этомъ сочиненіи на долю его автора, св. Аѳанасія Великаго, и что можетъ харак-

теризовать взглядъ на монашество самого преп. Антонія. Василия Великаго и Ефрема Сирина авторъ почему-то считаетъ предшественниками Пахомія Великаго (стр. 232, 244, 272—273, 280, 285). Такія же несообразности наблюдаются и въ распредѣленіи изучаемыхъ писателей по странамъ. Всѣхъ отцовъ церкви, которыми авторъ пользовался при составленіи своего сочиненія, онъ раздѣляетъ на двѣ группы—египетскую и палестинскую. Къ первой онъ относитъ Макарія Египетскаго, Антонія Великаго, Ефрема Сирина (стр. 152), Іоанна Кассіана, поскольку послѣдній воспроизводитъ въ своихъ сочиненіяхъ ученіе и бытъ именно египетскаго монашества. Ко второй—Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Пахомія Великаго и авву Исаію (стр. 200—206). При такой двойной ошибкѣ—и въ хронологическомъ и въ территориальномъ распредѣленіи церковныхъ писателей—конечно не можетъ быть и рѣчи о правильномъ отвѣтѣ на вопросъ о взаимномъ отношеніи ихъ ученія. И дѣйствительно вся работа автора наполнена самыми мелочными сопоставленіями отчасти ошибочными (стр. 231, 232), отчасти не имѣющими никакой важности.

На ряду съ перечисленными основными недостатками сочиненія не можемъ не отмѣтить также нѣкоторыхъ второстепенныхъ. Авторъ излагаетъ ученіе отцовъ церкви по большей части не приводя буквальныхъ выраженій и не дѣлая точныхъ ссылокъ на источники и литературу, что до крайности затрудняетъ провѣрку. Приводимыя изъ сочиненій отцовъ церкви выдержки иногда настолько кратки, что для читателя, не имѣющаго начитанности въ святоотеческой литературѣ, могутъ быть совершенно непонятны. Въ другихъ случаяхъ авторъ обнаруживаетъ недостаточное пониманіе какъ твореній отцовъ церкви, такъ и пособій, которыми онъ пользовался. Въ сочиненіи встрѣчается не мало неправильныхъ выраженій. Такъ настоятеля монастыря, облеченнаго неограниченной полнотою власти, авторъ почему-то много разъ называетъ демоогомъ (стр. 224, 249, 391, 392, 393). Къ числу важнѣйшихъ ошибокъ, допущенныхъ авторомъ, относится его неосновательная полемика противъ преосв. Теодосія по вопросу о первоначальной формѣ монашества.

Не смотря на перечисленные крупные недостатки сочиненія мы считаемъ возможнымъ присудить его автору степень

кандидата богословія, принявъ во вниманіе безспорный интересъ и увлеченіе, съ которыми онъ занимался своей работой, добросовѣстныхъ усилія овладѣть темой и значительное количество святоотеческой литературы, изученное имъ“.

б) Ординарнаго профессора *М. М. Таръева*:

„Принципіальное содержаніе въ трудѣ г. Волкова довольно скудно,—и то, что есть, обезцѣнивается внутреннею противорѣчивостью. Полагая въ качествѣ исходной идеи—высоту монашества, авторъ доказываетъ ее тѣмъ, что монашество *естественно*. „Внутренними подвигами монаха достигается только то естественное господство духа надъ плотію, какое отличало первозданнаго человѣка“ (VII). „Внутренніе подвиги монаховъ не представляютъ собой чего-либо супранатуралистическаго и несвойственнаго нашей природѣ. Христіанство и особенно отцы IV вѣка только одухотворило естественныя стремленія человѣческой природы. Званіе монаха согласно съ природой человѣка“ (32. 33). И далѣе авторъ говоритъ „о высотѣ монашества и его цѣлесообразности съ природой человѣка“ (71. 72). „Монашество потому и высоко, что только согласуется съ добродѣтелью, вложенною въ природу человѣка“ (82). „Внутренніе подвиги монаха не противоестественны“ (150) и т. д. Эта мысль о „естественности“ монашества требовала бы тщательныхъ доказательствъ, какъ парадоксальная. Развѣ въ самомъ дѣлѣ не нуждается въ доказательствахъ мысль, что дѣвство естественно для человѣка (33), что, слѣдовательно, бракъ есть явленіе противоестественное? Это воззрѣніе предполагаетъ совершенно своеобразныя метафизическія, историческія и моральныя предпосылки. Да и съ богословской точки зрѣнія требовалъ бы особыхъ доказательствъ тезисъ, что христіанство только восстанавливаетъ природу, что оно не есть новое откровеніе. Между тѣмъ авторъ все это утверждаетъ какъ само собою понятное, общепринятое. И болѣе того. На ряду съ этою мыслью онъ настойчиво развиваетъ адверсативную мысль, что „монахъ долженъ бороться съ своей природой“ (2), „душа не по своей волѣ возносится на небо“ (36), „горе душѣ, если остановится на своей природѣ“ (37. 191), монашество приравнивается къ мученичеству (58), „воздержаніе отъ су-

пужества есть борьба съ природой“ (68), монашество есть пригвожденіе ко кресту (88), „идеаль монаха—убійство этой первой природы и достиженіе второй природы“ (116), „душа, озаренная благодатію, и душа, руководящаяся только естественнымъ чувствомъ,—противоположны“ (175), св. Антоній чувствовалъ стыдъ при естественныхъ тѣлесныхъ отправленіяхъ (192), отношеніе къ тѣлу св. Аѳанасія и св. Макарія „представляетъ мрачную пустыню тѣлеснаго ригоризма“ (198), „доходить до ненужныхъ и смѣшныхъ крайностей“ (207), монашество требуетъ „побѣдить не только излишнее желаніе пищи, но и самую необходимую для природы пищу, какъ противную цѣломудрію, принимать не безъ скорби сердечной“ (212) и т. п.

Такая неясность авторскихъ сужденій еще болѣе возрастаетъ въ виду того, что у него грѣхъ приравнивается къ природѣ, а грѣховный міръ отождествляется не только съ язычествомъ, но и съ міромъ христіанъ—немонаховъ, такъ что отношеніе позднѣйшаго монашества къ *міру* христіанъ понимается вполне аналогично отношенію первобытнаго христіанства къ *міру* языческому, и отсюда именно выводятся мотивы монашества IV и V вѣковъ (ср. особ. 169). Лишь одинъ разъ (на стр. 368) авторъ, въ полемическомъ пылу, проговаривается, что и „среди мірянъ можетъ встрѣтиться хорошій христіанинъ“, достойный епископства. Но если монахи суть ангелы во плоти (367), если монашество есть воплощеніе совершенной жизни (154), высшая форма духовной жизни (189 и т. д.), то, конечно, епископъ долженъ быть избираемъ только изъ монаховъ; если же и среди мірянъ можетъ встрѣтиться хорошій христіанинъ, то нуждается въ пересмотрѣ весь взглядъ автора на монашество, поскольку онъ опирается на смѣшеніе *міра* христіанскаго съ *міромъ* языческимъ.

За отсутствіемъ принципиальнаго освѣщенія предмета, все сочиненіе г. Волкова представляетъ собою катену частныхъ мыслей, очень короткихъ, умѣщающихся по двѣ—по три на одной страницѣ, и механически связанныхъ между собою. Но авторъ хорошо ознакомился съ аскетическими твореніями и обнаруживаетъ доброе христіанское настроеніе. Степени кандидата богословія заслуживаетъ“.

7) О сочиненіи студента священника *Вьюкова Алексѣя* на тему: „Догматическія воззрѣнія Оригена по его сочиненію *О началахъ*“.

а) Заслуженнаго ординарнаго профессора *А. Д. Бяляева*:

„Сочиненіе священника Вьюкова имѣетъ введеніе (1—75 стр.) гдѣ раскрыта мысль о вліяніяхъ, подѣ воздействиемъ которыхъ сложились богословскія воззрѣнія Оригена, шесть главъ изслѣдованія и заключеніе. Въ первой главѣ изложено и разъяснено ученіе Оригена о Богѣ (77—110), во второй—о Сынѣ Божіемъ (111—213), въ третьей — о Святомъ Духѣ (213 — 243 стр.), въ четвертой—о мірѣ (244 — 322), въ пятой—о воплощеніи Сына Божія (322—351) и въ шестой—о воскресеніи плоти (352—415). Въ заключеніи священникъ Вьюковъ кратко отмѣчаетъ „то положительное и отрицательное, что Оригенъ привнесъ своимъ сочиненіемъ въ апологетическую богословскую науку“ (415—438),—не въ одну апологетическую, добавимъ мы, а и въ догматическую науку. Пособіями священнику Вьюкову служили — изъ богословскихъ сочиненій труды В. В. Болотова, Н. И. Лебедева, Ѳ. Г. Елеонскаго, Г. Малеванскаго, В. Снегирева, С. Кохомскаго, а изъ философскихъ труды К. Скворцова, М. Владиславлєва, Кн. С. Трубецкаго, Целлера (на нѣмецкомъ языкѣ) и Дени (на французскомъ языкѣ). Ознакомился онъ также и съ другими, частію церковно-историческими, частію патрологическими, сочиненіями, имѣющими косвенное отношеніе къ предмету его сочиненія. Къ сожалѣнію онъ не обратилъ никакого вниманія на другія сочиненія Оригена, напр. на его комментаріи на книги Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта. Такъ какъ эти комментаріи не переведены на русскій языкъ, то, конечно, широкое и обстоятельное ознакомленіе съ ними для священника Вьюкова было невозможно, да оно не требуется и темой; но при помощи пособій онъ могъ найти въ нихъ наиболѣе важныя и подходящія къ предмету его изслѣдованія мѣста. Сопоставленіе этихъ мѣстъ съ параллельными по буквѣ или мысли мѣстами изъ сочиненія „О началахъ“ пролило бы не мало свѣта на эти послѣднія, и сочиненіе священника Вьюкова оказалось бы мнѣе компилятивнымъ, чѣмъ каково оно есть теперь. Но съ самымъ сочиненіемъ Оригена „О началахъ“ священникъ

Вьюковъ ознакомился обстоятельно и содержаніе его въ существенномъ изложилъ полно. Изложеніе не безупречно: попадаются слишкомъ длинные періоды и неправильно построенныя выраженія. Для присужденія степени кандидата автору сочиненія оно достаточно“.

б) Ординарнаго профессора А. А. Спаскаго:

„Поставивъ себѣ совершенно правильную цѣль понять сочиненіе Оригена о началахъ, какъ отраженіе цѣлой религіозно-философской эпохи времени Оригена (стр. 40), авторъ положилъ въ основу своего изслѣдованія изученіе центрального догматическаго труда Оригена „О началахъ“, привлекая къ себѣ на помощь достаточно значительную церковно-историческую и историко-философскую литературу, поскольку она полезна для выясненія тѣхъ или другихъ мнѣній, высказанныхъ Оригеномъ, и далъ полное, почти всеобъемлющее изложеніе догматической системы великаго Александрійскаго учителя, взятой въ ея цѣломъ. Каждый болѣе или менѣе важный тезисъ въ религіозно-философской теоріи Оригена рассматривается о. Вьюковымъ со стороны его историческихъ прецедентовъ, констатируется воздѣйствіе на него современной Оригену философіи и опредѣляется то или другое значеніе его въ прогрессивномъ развитіи богословской мысли древности.

Но при этой основательности и цѣльности сочиненія о. Вьюкова, въ немъ по мѣстамъ встрѣчаются и важные недочеты. Не говоря уже о черезчуръ напыщенномъ языкѣ, наполненномъ теоретическими терминами, и неправильныхъ оборотахъ мысли, авторъ иногда невѣрно понимаетъ самого Оригена и произвольно истолковываетъ его. Такъ на стр. 88—89 онъ пишетъ: „абстрагированная точка Климента, въ которой Климентъ хотѣлъ видѣть Бога, для Оригена была ничто (!?). Ни чрезъ анализъ, ни синтезъ, ни абстракцію, ни чрезъ какой-либо другой дискурсивный процессъ знанія, мы находимъ Бога... Богъ интименъ душамъ нашимъ,—вотъ основная мысль ученія Оригена о познаніи Бога. Душа, по Оригену, познаетъ Бога въ состояніи энтузіазма“. Но въ сдѣланной авторомъ ссылкѣ на I, 1, 6; IV, 27 сочиненія Оригена о началахъ говорится совсѣмъ о другомъ—о невозможности для человѣческаго ума достигнуть полного по-

знанія Божества и о нѣкоторой только теоретической возможности приближенія къ познанію его при помощи подобій. Мѣсто, указанное въ твореніи Оригена протівъ Цельса (VII, 3, 4), говоритъ совершенно о другомъ... Возможно, однако, допустить, что здѣсь ошибка въ цитации, но за то въ другомъ пунктѣ авторъ несомнѣнно искажаетъ мысль Оригена. Стр. 205. Продолжая рѣчь о субординанизмѣ Оригена въ ученіи о Сынѣ Божіемъ, о. Вьюковъ пишетъ: „Оригенъ приходитъ уже къ совсѣмъ необычному и странному заключенію, что къ Сыну не слѣдуетъ обращаться съ молитвой, ибо Онъ нашъ братъ, молиться же брату неприлично“. Цитаты на сочиненія Оригена здѣсь нѣтъ, но ясно, что фраза, высказанная здѣсь отъ имени Оригена, скопирована изъ *большой выдержки, приведенной въ прекрасномъ изслѣдованіи проф. Болотова: „Ученіе Оригена о св. Троицѣ“* и при томъ въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. „Въ толкованіи на первое посланіе къ Тимоѳею, значитъ въ изслѣдованіи Болотова, Оригенъ заставляеть Христа говорить своимъ ученикамъ: „всѣ получили духъ сыноположенія, такъ что стали сынами Божіими и Моими братьями, а молиться брату неприлично (*οὐκ ἔστιν εὐλόγον*). Итакъ вамъ должно *вместѣ со Мною и чрезъ Меня* возсылать молитву одному только Отцу.“ Слыша эти слова Иисуса,—поучаетъ самъ Оригенъ,—будемъ же чрезъ Него молиться Богу—всѣ одними и тѣми же словами“ (Болотовъ, стр. 348. 349). Исказивъ мысль Оригена, о. Вьюковъ обращается къ нему съ порицаніями и назиданіями. „Этотъ пунктъ,—пишетъ онъ, неожиданенъ не только въ системѣ Оригена, противорѣчитъ всей положительной части ея, и не только для самого Оригена, какъ горячаго послѣдователя и исповѣдника Христа, и не только исключителенъ на фонѣ всей патристической литературы ¹⁾, но и едва-ли всей христіанско—еретической. Всякія догадки по поводу ученія Оригена будутъ весьма субъективны и еще болѣе проблематичны (206—207)“. Но я посовѣтоваль бы автору глубже вчитаться въ изслѣдованіе по этому вопросу Болотова, не искажать мыслей Оригена, и тогда онъ можетъ быть что-нибудь и понять... Книга проф. Бо-

¹⁾ Блаженное невѣдѣніе ! напр. Евсевій Кесарійскій училъ такъ же, какъ Оригенъ.

лотова вліяєть на него гласно и негласно, и всегда не въ цѣлой концепціи его мысли, а *ex abrupto*. (Ср. 202 стр. соч. и Болотова стр. 398). Отсюда же авторъ беретъ и всѣ цитаты изъ сочиненій Оригена, находящіяся въ посланіи императора Юстиніана къ Константинопольскому патріарху Миннѣ, при чемъ имя Юстиніана у него обращается въ Густина. Цитация автора вообще неисправна (такъ см. напр. стр. 234 ссылка о нач. 1, VIII, 2; 11, X, 2, гдѣ ничего соотвѣтствующаго утвержденію автора не имѣется). Доказанные по своей непринадлежности мѣста изъ началъ Оригена (стр. 233, 328 и д.) признаются подлинными и воззрѣнія Оригена искажаются до неузнаваемости, хотя для отличенія подлиннаго текста отъ подложнаго не требовалось никакихъ критическихъ изысканій, а достаточно было лишь внимательно прочесть примѣчанія къ русскому переводу творенія Оригена о началахъ. Ученіе Оригена о Св. Духѣ изложено лишь въ обрывкахъ, неправильно комбинированныхъ, при чемъ не затронуты даже такіе важные пункты въ воззрѣніи Оригена на Св. Духа, какъ субординаціонизмъ и отношеніе Св. Духа къ Сыну.

Авторъ выражается авторитетно, въ качествѣ знатока дѣла, и своимъ взглядамъ придаетъ непреклонное рѣшеніе, но иногда его сужденія висятъ на воздухѣ... блаженнаго невѣдѣнія. Приведу лишь нѣкоторые примѣры: Стр. 171, 172: „ни Платонъ, ни Аристотель, ни Плотинъ, не смотря на ихъ желаніе поставить Бога внѣ матеріи, не смотря на то, что по ихъ сужденію матерія есть *τὸ μὴ ὄν*, не могли обойтись безъ міра реальнаго, чтобы сказать, что Богъ есть бытіе. Аристотель прямо говоритъ, что „Богъ не могъ существовать безъ міра“. Иначе *пантеисты* и сказать не могли... Оригенъ освободилъ Бога отъ міра: въ изреченномъ словѣ своего разума и Единороднаго Сына своей любви—въ Логосѣ Божество отъ вѣчности объективируетъ и сознаетъ всю полноту своей внутренней жизни... и находитъ внутреннее, независимое отъ міра условнаго безусловное содержаніе“. Въ основѣ этого сужденія о Вьюкова лежитъ тоже мысль проф. Болотова, но и здѣсь она непонята. И авторъ излагаетъ вовсе не ученіе Оригена, у котораго Сынъ-Логосъ вѣчно происходитъ отъ Отца, какъ сила изъ энергіи, а воззрѣніе Филона, взятое напрокатъ въ истолкованіи

у проф. Муретова (авторъ прямо цитируетъ его извѣстный трудъ: „Ученіе о Логосѣ у Филона“) и произвольно приписанное Оригену. Наконецъ, умалчивая о томъ, что Аристотеля уже никакъ нельзя причислить къ пантеистамъ и что о Платонѣ и Плотинѣ, признававшихъ высшее и единственное вѣчное бытіе за абсолютнымъ и на мѣрѣ смотрѣвшихъ, какъ на случайное явленіе, нельзя утверждать, будто бы безъ реального міра немислимо и бытіе Божества, надо поставить на видъ автору, что и по Оригену Богъ немислимъ безъ вѣчнаго міра, такъ какъ это противорѣчило бы Его всемогуществу.—Стр. 264: „такого ученія о равенствѣ всѣхъ разумныхъ существъ въ идеальномъ мѣрѣ (о какомъ учить Оригенъ), мы не найдемъ ни въ одной системѣ древняго міра“. Авторъ, повидимому, читалъ томъ исторіи греческой философіи Целлера, посвященный подробному изложенію системы Плотина, и, если бы онъ внимательно ознакомился съ нимъ, то увидѣлъ бы, что ученіе Оригена о разумныхъ и равноправныхъ существахъ въ идеальномъ мѣрѣ (духахъ), о ихъ постепенномъ потемнѣніи и ниспаденіи въ тѣло—матерію, темницу души, цѣликомъ заимствовано у Плотина. При этомъ поверхностномъ знакомствѣ о. Вьюкова съ современными Оригену философскими ученіями понятно и его сужденіе о космологической системѣ изучаемаго имъ писателя, гдѣ по его мнѣнію „Оригенъ предлагаетъ причудливыя и субъективныя свои спекуляціи (стр. 240)“ тогда какъ для каждой основной мысли Оригена можно указать исчерпывающія аналогіи въ современномъ ему эллинистическомъ міросозерцаніи.

Изложенные сейчасъ въ краткомъ видѣ недостатки сочиненія о. Вьюкова показываютъ, что, поставивъ себѣ слишкомъ широкую задачу, авторъ оказался неподготовленнымъ къ достаточно полному осуществленію ея. Тѣмъ не менѣе было бы слишкомъ несправедливо приписывать этимъ недостаткамъ рѣшающее значеніе. Для всякаго приступающаго къ ученымъ работамъ, да еще на студенческой скамьѣ, такіе вопросы, какъ возстановленіе религіозно-философской мысли эллинизма въ эпоху Оригена въ ея полнотѣ и цѣльности, требуютъ гораздо большаго умственного кругозора и ознакомленія съ философскими тенденціями эллинистическаго умозрѣнія эпохи Оригена, что достигается не на школьной

скамьѣ, а путемъ самостоятельныхъ занятій. Предъявляя къ труду автора болѣе простыя требованія, можно признать его соотвѣтственнымъ своимъ цѣлямъ. Достоинства его уже были отмѣчены, и въ силу этихъ достоинствъ можетъ быть присуждено ему званіе кандидата богословія“.

8) О сочиненіи студента *Вязовскаго Василія* на тему: „Доводы „за“ и „противъ“ признанія церковью смѣшанныхъ браковъ“.

а) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *Н. А. Заозерскаго*:

„Небольшое по объему (1—210 стр.) сочиненіе автора представляетъ собою содержательное, логически стройное и обработанное цѣлое, дающее опредѣленное рѣшеніе поставленнаго вопроса и достаточно обоснованное.

Въ краткомъ введеніи (1—28) авторъ даетъ историческій очеркъ законодательства о смѣшанныхъ бракахъ, отмѣчая то наблюденіе, что въ историческомъ ходѣ законодательства по этому предмету различія въ рѣшеніи о дозволительности или запрещеніи смѣшанныхъ браковъ зависѣли исключительно отъ государственной власти, склонявшейся то въ ту, то въ другую сторону и иногда не считавшейся со взглядами Церкви (стр. 24).

Сознаніе глубокой важности вопроса побуждаетъ автора собрать во едино всѣ доводы за и противъ признанія церковію смѣшанныхъ браковъ и произвести свою критическую ихъ оцѣнку.

Самое сочиненіе дѣлится на двѣ части: въ первой разсматриваются авторомъ доводы противъ признанія смѣшанныхъ браковъ; во второй—за ихъ признаніе.

Въ той и другой частяхъ матеріалъ автора группируется по слѣдующему плану: сначала разсматриваются доводы принципиально догматическіе (слово Божіе и догматическое ученіе о бракѣ), затѣмъ историко-каноническіе и наконецъ—практическіе или утилитарные.

Авторъ обнаруживаетъ вполне достаточную начитанность по данному предмету, основательно просмотрѣвъ и изучивъ

какъ пособія (курсы ц. права и спеціальныя монографіи) по этому предмету, впроч. только русскія, такъ и первоисточники: опредѣленія Св. Синода и протоколы предсоборнаго Присутствія. Онъ отмѣтилъ всѣ важнѣйшіе доводы за и противъ признанія смѣшанныхъ браковъ, и въ разсмотрѣніи и опѣнкѣ ихъ выдерживаетъ всюду серьезный и спокойный тонъ. Его личное мнѣніе склоняется въ пользу признанія смѣшанныхъ браковъ, хотя, конечно, не въ качествѣ общей нормы, а въ качествѣ мѣры снисхожденія къ обстоятельствамъ, въ которыя помимо воли бывають поставляемы женихъ и невѣста, принадлежащіе къ разнымъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ

Признаю сочиненіе удовлетворительнымъ для присужденія автора степени кандидата богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора *И. М. Громогласова* :

„Разсматриваемое сочиненіе, какъ видно отчасти изъ самаго заглавія его, не претендуетъ на оригинальность содержанія и самостоятельность въ рѣшеніи трактуемаго въ немъ вопроса. Авторъ поставилъ себѣ болѣе скромную задачу—дать сводъ обычныхъ аргументовъ въ пользу двухъ противоположныхъ воззрѣній по спорному вопросу о церковной дозволительности смѣшанныхъ браковъ, не уклоняясь, впрочемъ, при этомъ отъ заявленія и своей склонности къ рѣшенію его въ положительномъ смыслѣ. Эта задача исполнена имъ, въ общемъ, съ достаточнымъ усердіемъ и успѣхомъ, хотя, конечно, не безъ дефектовъ въ частностяхъ. Странно, напр., что г. Вязовскій приводитъ на *латинскомъ* языкѣ выдержки изъ „Строматъ“ Климента Александрійскаго (на стр. 37) и изъ твореній св. І. Златоуста (на стр. 125), и совсѣмъ неудачно сформулированнымъ (на стр. 151) нужно признать „понятіе о церкви, какъ подвижной и *постоянно измѣняющейся* организаціи“. Последняя фраза, взятая въ контекстѣ, не скрываетъ, однако, за собою ошибочной богословской мысли, и вообще сочиненіе не даетъ повода къ упрекамъ автору съ этой стороны. Полагаю, что онъ достоинъ искомой степени“.

9) О сочиненіи студента *Городецкого Теодора* на тему: „Русскій городъ въ XVII в. Его социальный составъ и экономическое значеніе“.

а) Экстраординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Сочиненіе г. Городецкаго кромѣ краткаго введенія (стр. 1—5), гдѣ авторъ объясняетъ задачу своей работы и приемы изслѣдованія, а также указываетъ источники, которыми онъ пользовался—состоитъ изъ двухъ почти равномѣрныхъ по величинѣ частей. Первая изъ нихъ имѣетъ аналитическій, вторая синтетическій характеръ. Первая часть посвящена характеристикѣ каждаго изъ трехъ основныхъ типовъ древнерусскаго города: сѣвернаго, центрального и южнаго, причемъ такая характеристика дѣлается на основаніи детальнаго изученія сохранившихся и изданныхъ писцовыхъ и переписныхъ книгъ. Авторъ показываетъ городъ каждаго типа на примѣрахъ и беретъ въ качествѣ примѣровъ по два города сѣверныхъ и южныхъ и одинъ центральный. Такимъ образомъ у него изучены описанія городовъ: Устюга Великаго и Вятки, Тулы и Переяславля Рязанскаго и, наконецъ, Ростова. При анализѣ описанія каждаго города авторъ обращаетъ вниманіе на составъ его населенія, на промыслы различныхъ группъ его жителей и на тѣ казенныя повинности, которыми посадское населеніе было обложено. Для ясности статистическія данныя, извлеченныя изъ описей XVII в., изображаются въ видѣ таблицъ, составленныхъ съ тщательностью, потребовавшей, несомнѣнно, значительнаго напряженія труда отъ автора. Это микроскопически детальное изслѣдованіе источниковъ, относящихся къ нѣсколькимъ городамъ XVII в., ставитъ автора на твердую почву во второй, синтетической части его работы, гдѣ онъ сводитъ полученные результаты и даетъ общую характеристику русскаго города въ XVII столѣтіи, привлекая къ изученію собранный въ разныхъ изданіяхъ памятниковъ матеріалъ. Въ этой части авторъ останавливается подробно на вопросахъ о происхожденіи города, объ отношеніи города къ уѣзду и о постепенномъ обособленіи его отъ уѣзда. Обширные очерки представляютъ собою главы 2-я и 3-я второй части, посвященныя изученію социального состава города. Въ главѣ 2-ой характеризуется классъ посадскихъ людей, причемъ обстоя-

тельно указываются тѣ различныя общественныя группы, которыя входятъ въ составъ этого класса. Разсмотрѣвъ здѣсь же вопросъ объ организаціи посадской общины и тщательно разобрано законодательство XVII в., регулировавшее эту организацію. Въ главѣ 3-ей авторъ изслѣдуетъ тѣ группы городского населенія, которыя не входили въ классъ посадскихъ людей. Сюда относятся члены высшихъ купеческихъ корпорацій, различные разряды жившихъ въ городахъ служилыхъ людей, наконецъ, духовенство. Послѣднія двѣ главы второй части имѣютъ своимъ предметомъ характеристику экономической жизни города: торговли и промысловъ, а также податной его организаціи.

Изъ приведеннаго обзора видно богатство содержанія сочиненія. Чтобы оцѣнить научное значеніе работы г. Городецкаго, надо припомнить, что какъ разъ въ изученіи социальнаго состава и экономического положенія русскаго города въ нашей исторіографіи есть пробѣлъ для XVII вѣка. Если для города XVI вѣка имѣется специальная работа г. Чечулина, а для города XVIII вѣка книга Кизеветтера „Посадская община въ Россіи въ XVIII ст.“, то городъ XVII вѣка остается неизученнымъ со стороны его фактическаго, дѣйствительнаго положенія, такъ какъ сочиненія Дитятина и другихъ, писавшихъ по исторіи русскаго города, въ качествѣ источниковъ располагали только законодательнымъ матеріаломъ, не всегда вѣрно отражавшимъ дѣйствительную жизнь. Трудъ г. Городецкаго и направленъ, насколько это было возможно для автора, къ заполненію существующаго въ исторіографіи пробѣла. При томъ состояніи, въ какомъ находятся источники по исторіи города, разрѣшить задачу вполнѣ было автору невозможно, и такого разрѣшенія мы не въ правѣ были бы отъ него и требовать. Лишь небольшое количество писцоваго матеріала, относящагося къ городамъ, издано; остальной, огромный его запасъ хранится въ архивахъ; справиться съ нимъ можно было бы только многими годами усиленной работы. Но авторъ въ своемъ сочиненіи въ достаточной мѣрѣ показалъ, что онъ идетъ вѣрнымъ путемъ, и, будь въ его распоряженіи свободное время и возможность работать надъ неизданными источниками, его трудъ при томъ методѣ, которымъ онъ владѣетъ, былъ бы обилѣнъ свѣжими данными. Но и въ томъ видѣ, какъ оно есть, со-

чиненіе г. Городецкаго, располагающее только изданными источниками, содержитъ въ себѣ немало цѣнныхъ вполне самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованій. Таковы напр. его критическія изысканія о писцовыхъ книгахъ, находившихся у него подъ рукою (стр. 75—77, 138) и тѣ многочисленныя статистическія таблицы, о которыхъ мы говорили выше.

Не со всѣми положеніями автора мы могли бы согласиться. Мы не стали бы утверждать наприм., какъ это дѣлаетъ авторъ при характеристикѣ сѣвернаго города, что торговля въ Поморьѣ носила исключительно мѣстный характеръ (69). На нашъ взглядъ Поморье снабжало продуктами своихъ промысловъ центральные рынки Московскаго государства. Поморскіе монастыри напр. вели обширныя торги солью, отправляя десятки тысячъ пудовъ ея къ центру. Неправильно, далѣе, совокупность казенныхъ податей съ города авторъ называетъ финансовымъ хозяйствомъ города (128). Казенныя подати съ горожанъ не входили въ составъ городского хозяйства, относясь не къ муниципальному, а къ государственному хозяйству. Неясно, что хочетъ авторъ сказать, говоря, что черная земля считалась собственностью государя, какъ представителя монархической власти. Дѣйствительно, черная земля называлась государевой, но поскольку государь въ этомъ случаѣ былъ олицетвореніемъ государства. Въ XVII вѣкѣ различались земли дворцовыя—собственность государя, отъ земель черныхъ, принадлежавшихъ государству. Если послѣднія назывались „государевыми“ землями, то въ томъ же смыслѣ, какъ „государевыми“ холопами называлось служилое населеніе государства (168).—Не доказано авторомъ выставленное имъ положеніе, что черная посадская земля и всѣ стоявшіе на ней дворы находились во владѣніи всей посадской общины (169), тѣмъ болѣе, что сейчасъ же вслѣдъ за этимъ положеніемъ авторъ самъ высказываетъ ту вѣрную мысль, что посадскіе дворы принадлежали на правахъ собственности отдѣльнымъ членамъ посадской общины.—Можно указать также на нѣкоторые недочеты въ литературѣ вопроса. Говоря о ямщикахъ, какъ одной изъ группъ посадскаго населенія (269—271), слѣдовало бы воспользоваться спеціальной книгой Гурлянда о ямской гоньбѣ, а при обширномъ изслѣдованіи о группѣ дворниковъ на „осадныхъ“ дворахъ въ городѣ была бы

весьма нелишнею статья проф. Платонова „Къ исторіи русскаго города въ XVI в.“, посвященная критическому разбору хорошо извѣстной автору книги Чечулина о городѣ XVI в. (*Платоновъ*; Статьи по русской исторіи, 104 и особ. 120 и сл.).

Но все это отдѣльныя частности, нисколько не уменьшающія цѣнныхъ качествъ труда въ его цѣломъ. Если бы автору было возможно исполнить этотъ трудъ въ большемъ масштабѣ, его сочиненіе было бы удачной магистерской диссертацией, хорошее начало которой оно изъ себя представляетъ. Въ томъ масштабѣ, въ которомъ оно исполнено, оно вполне можетъ быть названо выдающимся кандидатскимъ сочиненіемъ“.

б) Экстраординарнаго профессора *С. И. Соболевскаго*:

„Работа очень солидная, показывающая отличную подготовку автора къ научнымъ изслѣдованіямъ, и въ значительной степени самостоятельная.

Признаю ее весьма хорошею“.

10) О сочиненіи студента *Горскаго Александра* на тему: „Мистическое движеніе въ русскомъ обществѣ и русской литературѣ въ царствованіе Александра I-го“.

а) Исправляющаго должность доцента *Н. Л. Туницкаго*:

„Авторъ глубоко сосредоточился на разработкѣ довольно широкой темы, которой захватывается сложный періодъ мистическаго возбужденія въ русскомъ обществѣ и литературѣ 19-го столѣтія. Подъ его живымъ перомъ это движеніе приобретаетъ оригинальное и яркое изображеніе. Въ трехъ главахъ сочиненія съ приложеніями (335+17+32 стр.) послѣдовательно выясняется происхожденіе мистицизма Александровской эпохи, дѣлается его общая характеристика, признающая основной подробностью движенія эсхатологическія чаянія, наконецъ, рѣчь идетъ о „крушеніи“ всего движенія и объ его вліяніи на послѣдующую русскую литературу.

Главной чертой сочиненія, въ значительной степени опредѣляющей его содержаніе, является основная точка зрѣнія автора на мистицизмъ Александровской эпохи. На основа-